

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЗАГАЙНОВА Александра Олеговна

Выпускная квалификационная работа

Роль эмоций в мировой политике: современные теоретические дискуссии

The Role of Emotions in World Politics: Contemporary Theoretical Debates

Уровень образования: бакалавриат

Направление 41.03.05 - «Международные отношения»,

Основная образовательная программа СВ.5034 «Международные отношения»

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор кафедры
европейских исследований
Худолей К.К.

Рецензент:
кандидат исторических наук,
старший
преподаватель кафедры
теории и истории
международных отношений
Тулупов Д.С.

Санкт-Петербург

2019

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Эмоции как предмет междисциплинарных исследований.....	4
1.1. Эмоции в рамках классических парадигм теории международных отношений.....	4
1.2. Краткая история изучения эмоций в области психологии и нейронаук.....	13
1.3. Современные междисциплинарные исследования эмоций.....	19
1.4. Определение эмоции.....	22
Глава 2. Общетеоретические проблемы в изучении эмоций в мировой политике.....	24
2.1. Роль эмоций в процессе принятия решений.....	26
2.2. Проблема уровней анализа при изучении эмоций.....	33
2.3. Проблема причинности эмоций в мировой политике.....	37
Глава 3. Некоторые аспекты влияния эмоций на мирополитические процессы.....	45
3.1. Институционализация эмоций.....	45
3.2. Роль эмоций в появлении национализма и этнических конфликтов.....	53
3.3. Эмоциональная регуляция.....	60
Заключение.....	69
Список источников и литературы.....	72

Введение

Актуальность исследования роли эмоций в международных отношениях обуславливается установившейся парадоксальной ситуацией, при которой центральность эмоций в политике не отрицается, но при этом им уделяется мало внимания как со стороны представителей научного сообщества, так и при построении политических стратегий и моделей на практике. Такое отношение можно, по крайней мере частично, объяснить глубоко укоренившейся тенденцией концептуализировать эмоции в противовес разуму. Теории международных отношений, в рамках таких классических парадигм, как реализм, либерализм и марксизм, традиционно либо избегали теоретизации роли эмоций на международной арене, либо упоминали о них как о неизменном атрибуте природы человека - константе, которую невозможно изменить, а значит бессмысленно подвергать анализу. В конце прошлого века появилось множество исследований о роли эмоций в международных отношениях, большинство из которых были инициированы политическими психологами, в том числе вследствие гуманистического поворота в психологии и её влияния на экономические модели (например, Теория перспектив). Однако, многие представители научного сообщества, в том числе и последователи гуманистической психологии, как и специалисты по международным отношениям, все так же воспринимали эмоции как внешние нежелательные факторы, которые нужно учитывать, но которые должны отсутствовать при принятии политических решений. Другие утверждали, что изучение эмоций неизбежно сталкивается с методологическими трудностями, которые приведут к невозможности строгих теоретических и эмпирических исследований из-за эфемерной природы эмоций, недоступной для постороннего взгляда. В последние годы ситуация начинает меняться. Роль эмоций в мировой политике вновь привлекла внимание некоторых зарубежных специалистов в сфере международных отношений и политических наук, так что изучение эмоций стало быстро развивающейся областью исследований. Такому резкому повороту способствовали открытия, касающиеся физиологической природы эмоций в сфере нейронаук, доказавшие свою способность кардинально изменить отношение к роли эмоций в мировой политике.

Объектом данного исследования является влияние эмоций на процессы в мировой политике. Предметом данного исследования являются современные теоретические дискуссии о роли эмоций на международной арене, инициированные новыми междисциплинарными данными о природе эмоций.

Цель данной работы - выявление основных дискуссий, которые разворачиваются между специалистами в области международных отношений о роли эмоций в мировой

политике, на основе систематизации и анализа исследований, взявших за основу данные нейронаук. В соответствии с целью, автор ставит перед собой следующие задачи:

(1) определить степень интегрированности нейронаучных данных в дискуссии на тему роли эмоций в принятии решений в рамках политической психологии, политической философии и международных отношений,

(2) выявить существующие подходы к проблеме уровней анализа в изучении эмоций в мировой политике,

(3) проанализировать различные точки зрения специалистов на стыке дисциплин о причинно-следственной связи эмоций и действий, и

(4) рассмотреть наиболее современные исследования теоретиков международных отношений о роли эмоций в таких процессах, как институционализация эмоций, проблема появления национализма и этнических конфликтов, а также вопросы, связанные с регуляцией эмоциональной деятельности индивида и общества, в том числе касаясь физиологических особенностей человеческого мозга, помогающих объяснить феномен распространения популизма и постправды.

Для достижения поставленной цели и задач автор обращается к ряду российских и зарубежных источников. В целях указания практической значимости теоретизирования эмоций в мировой политике в данной работе будут использованы различные правовые акты¹ и международные документы², а также заявления российских и зарубежных политиков, взятые из интервью³, из отчётов об официальных мероприятиях⁴, а также приведённые на официальных сайтах⁵.

Вследствие того, что предметом исследования являются современные междисциплинарные теоретические дискуссии относительно роли эмоций, данная выпускная квалификационная работа основана на анализе трудов учёных - специалистов в

¹ См., например, Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft. vom 18. April 1999 (Stand am 23. September 2018). Available at: <<https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/201809230000/101.pdf>>

² См., например, Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/outcome2005_ch4.html#t6>

³ Petri, F. The Immigration of Muslims Will Change Our Culture. Interview by Beyer, S. and Fleischhauer, J. Spiegel online. Available at: <<https://www.spiegel.de/international/germany/interview-with-frauke-petry-of-the-alternative-for-germany-a-1084493.html>>

⁴ European Parliament. Current situation in the European Union Statements by Mr François Hollande, President of the French Republic, and Ms Angela Merkel, Chancellor of the Federal Republic of Germany, 2015. Available at: <<https://www.europarl.europa.eu/ep-live/en/plenary/video?debate=14442230132>>

⁵ Министерство Иностранных дел РФ, Пресс-служба. Заявление МИД России 1618-05-09-2018. Доступно по ссылке: <http://www.mid.ru/o-situacii-vokrug-otravlenia-s.skripala-i-ego-doceri-v-velikobritanii/-/asset_publisher/miIpnj31j96/content/id/3337611>

данной сфере⁶. Несмотря на то, что теме эмоций в мировой политике не было уделено достаточно внимания в литературе, можно указать несколько исследователей, систематически обращающихся к эмоциям в своих работах. Так, Джонатан Мерсер⁷ и Нета Кроуфорд⁸ стали одними из первых, кто начал писать о данной проблеме в контексте нейронаучного знания. Мерсер занимается изучением роли эмоций в предположительно «рациональном» принятии решений, а также в коллективных политических процессах, таких как построение межгрупповых идентичностей. Кроуфорд также критикует традиционные модели международного политического поведения, отмечая наличие редуционистских взглядов на то, как конкретные эмоции функционируют в мировой политике. Значительный вклад в развитие данной темы привнесла также Роуз Макдермотт⁹, исследования которой посвящены переосмыслению концепции рациональности при принятии политических решений. Эмма Хатчисон и Роланд Блейкер¹⁰ уделяют особое внимание вопросам влияния конкретных эмоций, таких как страх, последствия травмы на политические процессы, рассматривают роль эмоциональных дискурсивных практик, а также, наряду с Макдермотт и занимаются вопросами методологии исследования эмоций. Маркус Холмс¹¹ внёс большой вклад с точки зрения систематизации политических эмоций, а также исследовав роль взаимозависимости «иррациональных» интуиций и «рациональных» убеждений в политических процессах. Кроме того, Холмс занимается исследованиями роли эмоций в межличностной дипломатии, используя нейронаучные данные о механизмах действия зеркальных нейронов в изучении вопроса скрытых намерений. Помимо трудов исследователей эмоций в контексте политической деятельности, вследствие междисциплинарного характера данной работы, было использовано множество работ из области психологии, включая фундаментальные труды классиков общей психологии¹²,

⁶ См., например, Mercer, J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity//International Theory. - 2014 №6(3). - P. 515–535; Crawford, N.C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotions and Emotional Relationships//International Security. - 2000. №24(4). - P.116–136; McDermott, R. The Feeling of Rationality: The Meaning of Neuroscientific Advances for Political Science//Perspectives on Politics. - 2004b №2(4). - P.691-706.

⁷ Mercer, 2014. Op.Cit.

⁸ Crawford, 2000. Op. Cit.

⁹ McDermott, 2004b. Op.Cit.

¹⁰ Hutchison, E. and Bleiker, R. Theorizing emotions in world politics//International Theory. - 2014 №6(3). - P. 491-514.

¹¹ Holmes, M. Believing This and Alieving That: Theorizing Affect and Intuitions in International Politics, International Studies Quarterly. - 2015 №59(4) , P. 706–72.

¹² James, W. What is an emotion?// Mind. - 1884 №34. - P.190.

исследования в рамках политической¹³ и социальной¹⁴ психологии, а также нейрофизиологии¹⁵ и когнитивистики¹⁶.

Данная выпускная квалификационная работа основана на качественных методах изучения международных отношений и теории международных отношений. Так как предметом исследования, в первую очередь, являются разработки теоретиков, занимающихся мульти-дисциплинарными исследованиями в сфере международных отношений, политической психологии, политической философии и нейронаук, то данная работа представляет собой метатеоретический анализ с элементами оценочного критического теоретизирования. Выпускная квалификационная работа включает обзор и систематизацию существующей литературы на тему роли эмоций в мировой политике, делая акцент на значимости интерпретации и осмысления достижений нейронаук для определения феномена эмоции и его последующей интеграции в теоретическое поле дисциплины международных отношений.

Научная новизна данной работы обусловлена тем, что в западной науке количество исследований, специальных выпусков журналов или фундаментальных трудов по данной тематике очень ограничено, тогда как в российской науке, по сведениям автора, трудов, которые были бы посвящены междисциплинарным исследованиям на стыке нейронаук и международных отношений по теме эмоций, не имеется. Особенностью данной выпускной квалификационной работы также является то, что, в соответствии с целью, её автор не просто стремится рассмотреть определённые аспекты влияния эмоций в мировой политике, а обращает внимание на наиболее значительные дискуссии, предлагая перспективы для дальнейшей научной исследований.

¹³ Kertzer J. D. and Tingley, D.. Political Psychology in International Relations: Beyond the Paradigms// Annual Review of Political Science. - 2018 №21(1). - P.319-339.

¹⁴ Mummendey, A., Otten, S., Berger, U. and Kessler, T. Positive-Negative Asymmetry in Social Discrimination: Valence of Evaluation and Salience of Categorization. Personality and Social Psychology Bulletin. - 2000 № 26. - P. 1258-1270.

¹⁵ Pfaff, D. W. The Neuroscience of Fair Play: Why We (Usually) Follow the Golden Rule/ New York: Dana Press, 2007.

¹⁶ Schroder, T., Terrence S. C., Paul, T. Intention, Emotion, and Action: A Neural Theory Based on Semantic Pointers// Cognitive Science, 2014 №38.

Глава 1. Эмоции как предмет междисциплинарных исследований

1.1. Эмоции в рамках классических парадигм теории международных отношений

Важность эмоций в международных отношениях сложно переоценить: вопросы войны и мира, международной кооперации, личностные аспекты дипломатической службы, вопросы культурного и социального взаимодействия и т.д., - глубоко эмоциональные явления. Однако, как ни парадоксально, эмоции редко становились объектом теоретизирования в политической науке и в международных отношениях. Ряд современных учёных¹⁷ указывают на то, что ключевые теоретические дискуссии в международных отношениях редко рассматривают суть эмоций, ограничиваясь либо суждением о том, что эмоции представляют собой некую негативную иррациональную силу, которая может повлиять на личные человеческие отношения, но чьё влияние не носит глобального характера, либо о том, что эмоции - это часть природы человека, которая неизменна, а потому не имеет смысла её теоретизировать. Данная глава представляет собой попытку систематизировать представления о роли эмоций в международных отношениях, сложившиеся к настоящему моменту, кратко касаясь основных теоретических школ теории международных отношений для иллюстрации недостаточно внимательного отношения к эмоциям в этой научной дисциплине. Изучение роли эмоций в мировой политике сложно представить, и ещё сложнее оправдать, без обращения как к классическим, так и к более «поздним» постмодернистским теориям международных отношений. Однако, принимая во внимание неоднозначность классификации теорий, в том числе критику самой концепции «парадигмы», а также ограниченный объем и сознательный акцент данной работы на исследованиях, берущих за основу современные нейронаучные данные о природе эмоций, предпочтение будет отдано основным позитивистским теориям международных отношений в рамках рационализма, либерализма и марксизма. Практически все современные попытки изучения эмоций в мировой политике совершаются с позиций постпозитивизма, в особенности конструктивистами и специалистами в сфере гендерных исследований. Стоит сделать оговорку о том, что целью данной работы не является детальный и всеобъемлющий анализ существующих теорий на предмет разработанности тематики эмоций. Целью является выявить основные тенденции для того, чтобы попытаться поместить современные междисциплинарные исследования в теоретический контекст политических наук. Кроме того, будут представлены исторические стадии изучения эмоций в

¹⁷ Crawford. Op. Cit.

политической психологии и нейронауках, релевантные для международных отношений. Наконец, на основе достижений в сфере нейробиологии и когнитивистики, будет предложено определение эмоций, исходя из которого можно сделать вывод о центральности эмоций для многих, если не всех, процессов, изучаемых в международных отношениях.

Смотря на классификацию теорий международных отношений через призму «Больших споров», целесообразным видится начать анализ с политического реализма и идеализма, перейдя, затем, к марксизму и более поздним школам. Ричард Нед Лебоу¹⁸ резюмирует понимание роли эмоционального компонента личности в рамках политического реализма, указывая на то, что реалисты от Фукидида до Гоббса и от Моргентау до неореализма Уолца так или иначе брали за основу некую «природу человека». По мнению одной из ведущих исследователей, занимающихся изучением роли эмоций в международных отношениях Нэты Кроуфорд¹⁹, реалисты придерживались безмолвного согласия в основном о двух эмоциях - страхе и гневе, в определённом смысле чрезмерно рационализируя их самим фактом признания того, что нет необходимости исследовать нюансы этих эмоций²⁰. При этом другие эмоции рассмотрены практически не были. Даже попытки абстрагироваться от понятия природы человека в рамках системного подхода Уолца, который исключает какое-либо описание человеческой природы, лишь подчёркивают её центральность. Реализм традиционно утверждает²¹, что движущей силой для государств является стремление к получению относительных преимуществ, которое обусловлено «жаждой власти», присущей человеку. Это желание вызывает зависть (или жажду владения того, чем владеют другие) и влечёт за собой соперничество и агрессию как целенаправленное поведение. В классическом реализме жажда власти рационализируется как «интерес, определяемый как власть»²². При этом, жажда власти сопровождается страхом неудачи, который служит как своеобразная «оценка риска». Так, в своём исследовании эмоций в политическом реализме, Эндрю Росс подробно останавливается на работах Ганса Моргентау и Райнхольда Нибура, так как, по его мнению, именно подходы этих классиков в наибольшей степени касаются

¹⁸ Lebow, R. N. A Cultural Theory of International Relations/Cambridge: Cambridge University Press, 2008. - P. 647

¹⁹ Ibid. P.116.

²⁰ См. также Ross, A. A. G. Realism, emotion, and dynamic allegiances in global politics// International Theory. - 2013. №5(2).- P. 273–299; Linklater, A. Anger and world politics: how collective emotions shift over time//International Theory.- 2014. №6(3). - P. 574-78.

²¹ Waltz, K. Theory of International Politics/Reading: M. - 1979.

²² Morgenthau, H. J. Politics among Nations, 1948/New York : Alfred A. Knopf., 1956 - P.5

физиологических и психологических элементов человеческой деятельности, включая их исторический и политический анализ²³.

Действительно, в отличие от многих классиков реализма, труды Моргантау затрагивают вопрос об эмоциональных мотивациях человека. В своей книге «Scientific Man versus Power Politics» 1946 года он пишет о ненасытном *animus dominandi* - «стремлении к власти», которое «проявляется в желании поддерживать величину собственной личности относительно других, увеличивать её или демонстрировать её»²⁴. В эссе «Любовь и Власть» 1962 года Моргантау идёт ещё дальше, сетуя на неспособность современного мышления распознать связи между властью и любовью, что, как он утверждал, является симптомом неспособности понять определяющую роль любого из них в социальной жизни человека. По его мнению, и власть, и любовь коренятся в необходимости преодолеть человеческое «одиночество». Любовь для Моргантау является онтологическим принципом - некоторой «точкой отсчёта» или основой политического действия²⁵. Ещё один классик политического реализма - Райнхольд Нибур, также подчёркивает связь эмоционального и политического в международных отношениях. Так, именно эмоциям Нибур приписывает определённые повторяющиеся шаблоны поведения, такие как националистическая гордость и стремление к престижу²⁶. В стремлении преодолеть свою неуверенность, человек стремится к власти и «заражается грехом гордости»²⁷. Нибур также исследовал политическое значение вины и других эмоций, связанных с прощением²⁸. В самой концепции этих поведенческих паттернов заложено как признание центральности эмоций, так и рационализация их последствий без обращения к природе эмоций как таковых.

Труды Моргантау и Нибура приведены не случайно. В своих работах классики политического реализма не только упоминали эмоции (хотя, по мнению Росса, обращение к эмоциям скорее является исключением в реализме), но и признавали за ними немаловажную роль в формировании «политического» через регулирование человеческого поведения. Однако, вероятно из-за отсутствия механизмов изучения, или по причине неизменно центральной роли эмоций в конструировании «природы человека» как основного фактора политического поведения, осознание важности эмоций, даже в качестве онтологической основы человеческого поведения, не привело к изучению самих

²³ Ross, A. Op. Cit. P.274

²⁴ Morgenthau, H. J. Scientific Man Versus Power Politics. //Chicago: University of Chicago Press, 1946 - P.192

²⁵ Solomon, Ty. Human Nature and the Limits of the Self: Hans Morgenthau on Love and Power/International Studies Review.- 2012. №14 (2). - P.201-224

²⁶ Ross, A. Op. Cit. P.275

²⁷ Niebuhr, R. The Nature and Destiny of Man, vol. I: Human Nature/Louisville: Westminster John Knox Press, 1996. - P.179

²⁸ Niebuhr, R. An Interpretation of Christian Ethics/New York: Harper & Brothers, 1935. - P.78, 82

эмоций в политическом реализме. Трудно назвать причины такого отношения. Вероятно, имеет значение методологическая сложность изучения природы эмоций - эмоцию не только сложно измерить, но также не просто сделать обобщённые выводы о влиянии эмоций на поведение. Кроме того при изучении роли эмоций в международных политических процессах неизменно возникает вопрос о том, насколько значимы личные эмоции каждого конкретного человека в коллективных процессах на международной арене. Можно предположить, что воспринимаемое различие между значимостью эмоций на индивидуальном и коллективном уровнях также породило убеждение в том, что политика как коллективный процесс способна исключить пагубное влияние глубоко иррациональных личностных процессов за счёт взаимного контроля. Классический реализм оказал серьёзное влияние на последующее появление и развитие многих других теорий международных отношений, из которых для данной работы особенно важно отметить теорию рационального выбора или модели рационального выбора, которые сыграли значимую роль в дисциплине в последние десятилетия прошлого столетия, и, по мнению некоторых специалистов, до сих пор оказывают влияние как в рамках научного сообщества, так и в дипломатической деятельности.

Современное отношение к эмоциям заключается в их противопоставлении разуму и рациональности и напрямую связано с историческим отсутствием серьёзных теоретических дискуссий эмоциях в реалистической традиции²⁹. Дискуссии, сосредоточенные на моделях рациональных акторов, утверждают, что принятие решений является результатом расчёта полезности: лидеры делают выбор, основываясь на том, что, по их мнению, с наибольшей вероятностью приведёт к достижению их предпочтения³⁰. В модели Буэно де Мескита эти оценки включают такие факторы, как желание политиков быть переизбранными, а также старания и концентрация, которые требуются лидерам при решении политической проблемы³¹. Когда рациональные игроки участвуют в переговорах, их поведение часто моделируется с точки зрения теории игр, которая представляет стратегическое взаимодействие между игроками³². Такие подходы в настоящее время являются доминирующей парадигмой в международных отношениях. Многие теории рационального выбора основаны на предположениях о механизмах принятия решений и поведении человека, которые психологи считают излишне идеализированными. Тем не менее, сторонники теорий рационального выбора утверждают, что их анализ

²⁹ de Sousa, R. *The Rationality of Emotion*/Cambridge, MA: MIT Press, 1987; Elster, J. *Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions*/Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

³⁰ McDermott, R. *Political Psychology in International Relations*/University of Michigan Press, 2004a.- P.47.

³¹ de Mesquita, B. *Principles of International Politics. People, Power and Preferences*/Washington, DC: CQ Press, 2000.

³² Morrow, J. *Game Theory for Political Scientists*/Princeton: Princeton University Press, 1994.

продемонстрировал впечатляющую предсказательную точность. Эмоции в них изображаются либо как иррациональные реакции, либо как сугубо личные переживания, которые не имеют отношения к общественной жизни. В теории международных отношений, политические решения должны быть свободными от страсти, так как считается, что импульсивные побуждения - они же эмоциональные акты - неизбежно наносят ущерб разумному мыслительному процессу.

Как и политический реализм, либерализм исходит из убеждения, что человеческие действия мотивированы желанием улучшить своё состояние. Либерализм также рационализирует ряд эмоций как центральную предпосылку утилитарных личных интересов. Например, доверие является центральным в либеральном видении кооперативного международного порядка³³. По мнению Сьюзан Джеймс³⁴, приверженцы либеральных теорий представляют граждан как более или менее рациональных людей, осознающих преимущества плюралистического, но кооперативного подхода к политике, так как доверительные отношения способны принести большую пользу, чем разрушительные агрессия или ненависть. Так, отвращение к жестокости и решимость облегчить страдания путём сотрудничества - основные черты человека, так что прогресс либерального образа жизни обусловлен не только институтами общества, но прежде всего положительными качествами человеческой природы. Однако, с точки зрения фундаментальной природы человека, либерализм и реализм обладают рядом сходств³⁵. Не только Макиавелли, Гоббс, Шмитт и Моргентау строили свой анализ на пессимистических предположениях о человеческой природе, но и многие классики либеральной мысли, такие как Локк, Монтескье, Кант и Констан постулировали агрессию, зло и страх как важнейшие аспекты человеческой антропологии. В трудах всех этих авторов, люди, особенно держатели власти, изображаются как потенциально лживые и опасные лица, чьи действия должны постоянно контролироваться. Важное различие заключается в инструментах, которые люди используют для достижения своих целей, а также, например, в отношении к возможности качественного прогресса, в основе которого, с точки зрения классиков либеральной мысли, лежит качественная рефлексия³⁶. Далее в работе будет показано, что способность осмыслить предыдущий опыт, и использовать его

³³ Booth, K. and Wheeler, N.J. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics*/Basingstoke: Palgrave, 2007

³⁴ James, S. *The Politics of Emotion: Liberalism and Cognitivism*//Royal Institute of Philosophy Supplement. - 2006. №58. - P.231.

³⁵ Raschi, F. and Zambarnardi, L.. *Was anybody ever a realist? A sceptical view on the distinction between political realism and liberalism*//History of European Ideas.- 2018. № 44(3). - P.377

³⁶ Капустин, Б.Г. Либерализм/Новая философская энциклопедия/ Электронная библиотека ИФ РАН [онлайн] Доступно по ссылке: <<https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c3e2f3893700ccc1e763>>

в будущем - глубоко эмоциональное явление. Однако, либерализм, как и реализм не ставит задачей изучение конкретных эмоций, составляющих природу человека, а лишь упоминает их наличие как некую данность.

Аналогичные выводы могут быть сделаны в отношении марксизма. По мнению сторонников классического марксизма, жажда богатства и власти являются взаимоподдерживающими побуждениями в международной политике на капиталистической стадии, и именно это стало причиной эксплуатации одних классов другими. Жадность (или стремление к избытку) доминирующих классов является «присвоением прибавочной стоимости», а гнев эксплуатируемых классов становится частью «классового сознания». Карл Маркс утверждает, что «человек как объективно эмоциональное существо, следовательно является страдающим существом, а так как мы чувствуем наши страдания, мы существа, *подверженные страстям*»³⁷ Для Макса «страсть - это наша основная сила, которая настойчиво заставляет нас стремиться к достижению своей цели». Таким образом, эмоция является центральной и в концепции Маркса³⁸ о человеческой природе, так как является «основной силой», питающей и направляющей сознательную деятельность человека. Маркс также утверждает, что у людей действительно есть «природа», но она сформирована через взаимодействие с другими людьми и с окружающей средой. Это определённые характерные черты, которыми человек не обладает с рождения. Они появляются из отношений между людьми, и поэтому не должны рассматриваться в качестве статичной данности. Однако, для человека все же характерно отчуждение (от других людей, а также от самого себя), которое, в свою очередь, является некоторого рода константой, но может быть преодолено при социализме. Кроме того, Маркс подчёркивает, что при капиталистических производственных отношениях происходит также отчуждение продукта труда от рабочего. Только преодолев все эти проявления отчуждения, люди смогут реализовать свою истинную природу³⁹. Однако, несмотря на объективную связь между «мыслью», сформированной в том числе под влиянием страстной природы человека, и политическим «действием», направленным на преодоление отчуждения, эмоции в марксизме также подробно не изучаются.

Охарактеризовав основные закономерности в отношении классиков теории международных отношений к эмоциям, стоит сделать небольшую оговорку. Как

³⁷ Marx, K. Economic and Philosophical Manuscripts. 1844. Pp. 279–400 in Karl Marx: Early Writings, with an Introduction by L. Colletti//New York: Penguin Books (in association with New Left Review), 1974 - P.390. (прим. - курсив добавлен автором).

³⁸ Ibid.- P.328;390

³⁹ Brown, Chris. Karl Marx, the Left, and Human Nature/ed.: Jacobi, D., Freyberg-Inan, Lebow, R.N., Brown, C., Bell, D., Prügl, E. and Herborth, B./Human Being(s) in International Relations//International Studies Review- 2012 №14(4). - P.650.

справедливо замечает Л. Фрэнк Вейхер⁴⁰, несмотря на то, что теоретики классических школ международных отношений не разработали системных теорий эмоций или роли эмоций в социальной жизни, они также не пренебрегали эмоциями в той степени, в которой многие современные теоретики их обвиняют⁴¹. Объяснением этого противоречия может быть тот факт, что многие из широко принятых «прочтений» этих классических текстов были сформированы в научном контексте, исключившем эмоции от спектра исследовательских приоритетов (например, интерпретация ключевых текстов классического реализма представителями теории рационального выбора). Другими словами, чтобы сделать более точные выводы относительно роли эмоций в трудах представителей классических школ теории международных отношений необходимо вновь обратиться к первоисточникам, перечитывая их в новом, более «эмоционально-ориентированном» свете. Однако, эта оговорка не отменяет общих закономерностей в отношении к эмоциям, и лишь подчёркивает ориентированность научного сообщества в международных отношениях на определённые модели при сравнительном исключении других подходов.

Обобщая вышесказанное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, в классических школах теории международных отношений сложилась несколько парадоксальная ситуация относительно изучения эмоций. С одной стороны, за эмоциями закрепляется центральная роль, ведь они являются фундаментальной частью человеческой природы. В то же время, в научном анализе они остаются в значительной степени игнорируемыми⁴² либо по причине их восприятия как иррациональной силы, препятствующей способности мыслить объективно, либо как некая константа, которую не имеет смысла анализировать, так как нельзя поменять, а возможно только контролировать. Следует также отметить, что скудное внимание к роли эмоций в международных отношениях связано и с методологическими проблемами их изучения. В этом ключе уместно упомянуть доминирующую роль позитивистских подходов на протяжении большей части существования международных отношений как научной дисциплины, что сыграло важнейшую роль в маргинализации исследования эмоций в рамках позитивистской школы. Подобные нематериальные явления сложно измерить, не всегда возможно даже наблюдать и, кроме того, ещё труднее обобщить любые выводы о поведении человека до уровня коллектива или государства⁴³.

⁴⁰ Weyher, L. F. Re-reading Sociology via the Emotions: Karl Marx's Theory of Human Nature and Estrangement//Sociological Perspectives. - 2012 №55(2). - P.342

⁴¹ См. также Ross, A. Op. Cit.

⁴² Crawford, 2000. Op. Cit. - P.116, 118.

⁴³ Coicaud, J-M. Emotions and Passions in the Discipline of International Relations// Japanese Journal of Political Science. - 2014 №15(3). - P. 485–513; Crawford, 2000. Op. Cit.

1.2. Краткая история изучения эмоций в области психологии и нейронаук

Отношение к изучению эмоций в психологической литературе менялось со временем. В начале прошлого века Зигмунд Фрейд⁴⁴ утверждал, что люди руководствуются сильными инстинктами, включая сексуальное влечение и стремление к агрессии. Его позиция, поместившая эмоции в центр внимания психоаналитиков, нашла оппонента в лице бихевиористов. Одна из центральных фигур бихевиоризма - Б.Ф. Скиннер отвергал центральность эмоций, изучая, в свою очередь, поведение, как единственную величину, поддающуюся измерению⁴⁵. Такая точка зрения маргинализовала идеи Фрейда в академической психологии, а также оказала серьёзное влияние на зарождение позитивизма в теории международных отношений. Гуманистическая революция конца 60-х годов, будучи в определённом смысле продуктом своего времени, вновь обратилась к изучению чувств, однако, в отличие от Фрейда, сторонники идей Карла Роджерса⁴⁶ уделяли внимание и более «положительным» эмоциям, в рамках разработанного Роджерсом целостного индивидуального подхода, в частности, к консультированию. В это же время появляются исследования в области политической психологии, которые стали одними из первых в теории международных отношений, где эмоции начали восприниматься всерьёз. Появившиеся в 1970-х годах исследования рассматривали связь между эмоциями и разумом в процессе принятия решений⁴⁷. Предположение о том, что решения принимаются на основе «классической рациональности», были впервые подвергнуты критике. Вместо этого было указано на тот факт, что у лидеров часто нет иного выбора, кроме как опираться на собственные представления и понимание ситуации, в основе своей имеющие эмоциональные соображения⁴⁸. В этом свете, особенно примечательны исследования Герберта Кельмана, бывшего профессора социальной этики в Гарвардском университете, который стремился показать важность эмпатии во время формальных и неформальных переговорных процессов и определить условия повышения уровня эмпатии. Результаты его работы свидетельствуют о том, что долгосрочное стабильное сотрудничество, а также диалоги по практическим вопросам невозможны до тех пор, пока не будет изменена антагонистическая, эмоционально нагруженная

⁴⁴ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции//Пер. с немецкого Г.В. Барышниковой; Лит. ред. Е.Е. Соколовой, Т.В. Родионовой - Москва: Наука, 1989 - с.456.

⁴⁵ Skinner, B.F. The behavior of organisms/New York: Appleton-Century-Crofts, 1938; Skinner, B.F. Science and Human Behavior/New York: McMillan, 1953; Skinner, B.F. Beyond Freedom and Dignity/Toronto: Bantam, 1972

⁴⁶ Rogers, C. On Becoming a Person/Boston: Houghton Mifflin, 1961.

⁴⁷ Hutchison, E. and Bleiker, R.Op.Cit.

⁴⁸ Hill, C. The Changing Politics of Foreign Policy/Houndmills: Palgrave, 2003. - P.116; см. также Jervis, R., Lebow R. N. and Stein, J. G. Psychology and Deterrence/ Baltimore: John Hopkins University Press, 1985

первоначальная позиция сторон переговоров⁴⁹. Кельман провёл ряд экспериментов с участием израильских и палестинских официальных лиц, в результате которых он пришёл к выводу, что эффективность дипломатических переговоров может быть увеличена вследствие предварительной психологической подготовки.

Несмотря на попытку пересмотра существующих способов понимания эмоций, у ранних исследований в сфере политической психологии и политической философии, также были недостатки. Многие исследования, особенно связанные с психологическими аспектами политики сдерживания, все так же не выходили за рамки парадигмы рационального актора, так что эмоции неизменно воспринимались как негативное вмешательство в рациональные суждения⁵⁰. Считалось, что они создают, по терминологии Роберта Джервиса, «ложные восприятия» («misperceptions»)⁵¹, которые подрывают компетентный политический анализ и, соответственно, эффективность последующих политических актов. Такие подходы подчёркивают наличие пропасти между эмоциями и мышлением, или, в более общем виде, эмоциями и когнитивными процессами, которая сохраняется не только в исследованиях по международным отношениям, но и в понимании природы эмоций как представителями разных научных дисциплин, так и в восприятии обывателей.⁵² Так, сама гипотеза в основе экспериментов Кельмана, о том, что изменение эмоционального состояния способно привести к более рациональному диалогу, подчёркивает дихотомию между рациональностью и эмоциями.

Когнитивная революция 1980-х - начала 1990-х вновь изменила приоритеты психологии, переместив акцент в сторону когнитивных процессов, таких как мышление, познание и память. Примечательными являются работы Даниеля Канемана и Амоса Тверски - психологов, которые считаются основоположниками поведенческой экономики ввиду их серьёзного вклада в изучение влияния эвристик и когнитивных искажений на процессы принятия решений с точки зрения экономики - дисциплины, где безусловно преобладают модели рационального актора⁵³.

⁴⁹ Kelman H.C. Negotiation as interactive problem solving// *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice*. - 1996 №1(1). - P. 99-123

⁵⁰ Hutchison and Bleiker. *Op. Cit.* - P. 495

⁵¹ Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*/Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976

⁵² Примечательным исключением являются работы политических философов Роберта Соломона (1993) и Марты Нуссбаум (1995), которые подчёркивали важность взаимосвязи мышления и чувствования для политической науки, подразумевая, что эмоции могут являться составной частью суждений.

⁵³ Канеман Д., Словик П., Тверски А. *Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения*/Харьков: Гуманитарный центр, 2005; Канеман Д., Тверски А. *Рациональный выбор, ценности и фреймы* // *Психологический журнал*. — 2003. — Т. 24. — № 4. — С. 31-42.; Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*//М.: АСТ, 2013.

Совершались также попытки создания общих теорий эмоций в политике с точки зрения теории культуры⁵⁴, политической философии⁵⁵ и психоанализа⁵⁶. Делая акцент на механизмах формирования культурно-политических сообществ, современный американский учёный Ричард Нед Лебоу разработал культурную теорию международных отношений. Уходя истоками в классическую греческую философию, теория Лебоу утверждает, что политические сообщества движимы тремя основными компонентами человеческой психики, а именно разумом ('*nomos*'), аппетитом ('*epithumia*'), который охватывает наши биологические побуждения, и духом ('*thumos*'), или желанием быть уважаемым другими. Дух проявляется, в первую очередь, в виде гнева в ответ на пренебрежительное отношение или несправедливость, но может стать и мотивирующей силой для многих политических действий. Добавив страх к этим трём компонентам и применяя их к изучению древности, средневековья, раннего модерна и современности, Лебоу прослеживает формирование различных мировых порядков, построенных вокруг сочетаний духа, аппетита, разума и страха.

Хасснер исследует эмоции с точки зрения политической философии, анализируя механизмы, посредством которых страх, чувство чести (как совокупность эмоциональных состояний, таких как гордость) и жадность формируют то, что он называет «геополитикой эмоций» в современных международных отношениях.

Работы Лебоу и Хасснера сосредоточены на сознательных социальных эмоциях. Пьер де Сенаркленс, со своей стороны, подчёркивает важность бессознательных психических процессов в межкультурных коммуникациях. Опираясь на психоаналитическое прочтение эмоционального веса, который несут групповые идентичности, де Сенаркленс утверждает, что культурные исследования Фрейда остаются важным источником понимания, несмотря на обвинения в «психологическом редукционизме». Он указывает на то, что национальное государство не просто является геополитическим или социологическим образованием, но и пронизано бессознательными эмоциональными чувствами в основе всех общинных групп. Как подчёркивали приверженцы теории объектных отношений, нация способна стать источником «благих нарциссических образов» («*good narcissistic images*»), что может усугубить агрессивные побуждения людей, склонных к тревоге, и привести к разрушительным последствиями во времена кризисов⁵⁷.

⁵⁴ Lebow, R. N. *A Cultural Theory of International Relations*/Cambridge : Cambridge University Press, 2008

⁵⁵ Hill, C. Pierre Hassner, *La Revanche des Passions: Métamorphoses de la Violence et Crises du Politique*//Book review/Paris: Fayard et Centre de recherches internationales de Sciences Po. - 2015// ERIS. - 2018 №5(2). - P. 94–96

⁵⁶ de Senarclens, P. *Freud et le nationalisme*//Le Coq-héron. - 2018 №233(2). - P. 30-41.

⁵⁷ Kristeva, J. *Nations without Nationalism*/New York : Columbia University Press, 1983; Volkan, V. D. *The need to have enemies and allies: From clinical practice to international relationships*/ Lanham, MD: Jason Aronson, 1988.

На современном этапе, очевидность недостатка ранних исследований, рассматривающих эмоции как препятствие на пути к принятию эффективных решений, привела к пониманию необходимости комплексного кросс-дисциплинарного подхода к изучению природы эмоций⁵⁸. Многие из объектов изучения в политологии, в том числе связанные с вопросами расовой дискриминации, голосования, сотрудничества и конфликтов, агрессии, формирования коалиций, поддержания иерархий власти и т.д., как истоки социальных и политических отношений и поведения, затрагиваются в когнитивной нейробиологии и поведенческой генетике. Что касается роли эмоций в международных отношениях, то подлинный интерес к изучению этой темы проистекает из широкого диапазона исследований, которые появились в конце XX века одновременно в рамках нескольких дисциплин начиная от эволюционной психологии, биологической антропологии и поведенческой экологии, поведенческой экономики, генетики поведения и когнитивной неврологии⁵⁹. Количество когнитивных нейронаучных исследований значительно увеличилось с внедрением технологии магнитно-резонансной томографии. В результате появились данные, свидетельствующие о том, что эмоции, как и процессы познания, имеют физиологическую основу, и, более того, преимущественно протекают вне человеческого сознания⁶⁰. В совокупности с более ранними известными исследованиями Роберта Зайонца о социальной фасилитации и других факторах, влияющих на поведение людей, но находящихся ниже порога сознания («subliminal cues»)⁶¹, эти открытия означают, что лица, принимающие решения, могут быть восприимчивы к ответу на определённые внешние стимулы, которые лежат за пределами сознательного познания⁶².

Например, опасная ситуация провоцирует выработку адреналина, который вызывает классический ответ «бей или беги». Вегетативная нервная система (ВНС) подготавливает организм к действиям, а симпатические нервы реагируют на неприятные ситуации, или ситуации, вызывающие страх. Парасимпатическая нервная система подключается в ответ на неприятные ситуации. Система аварийного реагирования, контролируемая гипоталамусом и лимбической системой, реагирует на более экстремальные ситуации. Лимбическая система служит центром эмоций, а также фильтром для памяти; гипоталамус, расположенный в коре головного мозга, посылает сигналы от органов чувств

⁵⁸ Kertzer J. D. and Tingley, D.. Political Psychology in International Relations: Beyond the Paradigms// Annual Review of Political Science. - 2018 №21(1). - P. 319-339.

⁵⁹ McDermott, R. Mutual Interests: The Case for Increasing Dialogue between Political Science and Neuroscience//Political Research Quarterly. - 2009 №62(3). - P.571-583.

⁶⁰ Mintz, A., Yang, Y. and McDermott, R. Experimental Approaches to International Relations//International Studies Quarterly. - 2011 №55 (2). - P.493-501.

⁶¹ Zajonc, R.Preferences Need No Inferences//American Psychologist. - 1980 №35(2). - P.151-75.

⁶² McDermott, 2004a. Op. Cit. - P.166.

в другие части тела, но только после того, как информация была обработана лимбической системой, которая с эволюционной точки зрения является более древним отделом головного мозга. Другими словами, поступающая информация сначала анализируется на эмоциональное содержание, а затем направляется в другие области мозга (например, в префронтальную кору, которая отвечает за когнитивные процессы). Одно только это открытие ставит под сомнение основанные на узко понимаемой рациональности теории, которые предполагают, что эмоции либо совсем не участвуют в принятии решений, либо только мешают этому процессу.

Антонио Дамасио и коллеги⁶³ продемонстрировали этот процесс с помощью серии гениальных экспериментов, которые были проведены с субъектами, лимбические системы которых были повреждены, что не позволяло их эмоциям функционировать должным образом. Участники хорошо справлялись с тестами на интеллект и память, но не испытывали соматических эмоций. Несмотря на внешнее отсутствие отклонений, во время эксперимента они продолжали принимать неверные решения. Этот результат учёные объяснили тем, что участники с повреждённой лимбической системой не имели доступа к эмоциональной памяти: тесты электрической активности кожи (ЭАК) участников показали, что субъекты с повреждениями не испытывали сильного стресса или нервозности при принятии решений, а также то, что их ничему не научили неудачи в предыдущих частях эксперимента, тогда как нормальные субъекты получали физиологическую «обратную связь» задолго до того, как они могли сформулировать причины их правильного выбора. Данные этих пациентов позволили Дамасио предположить, что физиологические реакции в человеческом мозге являются источником осознанных чувств, и они же необходимы для процесса принятия решений у здоровых людей, что стало основой «гипотезы соматических маркеров».

Джеймс Тредвей и коллеги⁶⁴ аргументируют первенство эмоциональных процессов мозга над когнитивными, показанное Дамасио, тремя способами. Во-первых, как упоминалось ранее, области человеческого мозга, которые связаны с познанием и языком, появились значительно позже в эволюционном когнитивном развитии, чем те, которые отвечают за эмоциональные реакции. Поскольку части мозга не следует рассматривать отдельно друг от друга, так как все физиологические процессы связаны друг с другом и не ограничены одной определённой областью, то «новые» с эволюционной точки зрения части мозга никогда не функционируют отдельно от «старых» (то есть, лимбической

⁶³ Bechara, A., Damasio, H., Tranel, D. and Damasio A. Deciding Advantageously before Knowing Advantageous Strategy// Science. -1997 №275. - P.1293-1295

⁶⁴ Tredway, J.V., Napp, S.J. Tredway, L.C. and Thomas, D.L. The Neurosociological Role of Emotions in Early Socialization, Reasons, Ethics and Morality/Mind, Brain and Society: Toward a Neurosociology of Emotions. Social Perspectives on Emotions, ed. Franks D.D. and Smith T.S./Stamford, CT: JAI Press, 1999. - P. 109-156

системы).⁶⁵ Нейросоциолог Дэвид Фрэнкс отмечает, что «нейронные каналы, идущие от эмоциональных центров мозга к когнитивным центрам, более плотные и более прочные, чем нейронные связи, ведущие обратно от когнитивных центров с целью контроля эмоциональных структур»⁶⁶. Следовательно, судя по механизмам паттернов активации мозга, эмоции, по меньшей мере, неразрывно связаны с когнитивной деятельностью, или даже обрабатываются мозгом ранее всех остальных более сложных процессов. Во-вторых, Тредвей и коллеги⁶⁷ обратили внимание на то, что эмоциональное обучение играет важную роль в детском когнитивном развитии. На протяжении формирующих детских лет соматические переживания, связанные с вознаграждением и наказанием привязываются к определенным воспоминаниям, формируя установки, которыми люди руководствуются в более взрослом возрасте⁶⁸. В-третьих, эмоции также оказывали влияние на формирование сравнительно «молодой» системы самосознания (префронтальной коры головного мозга). Это означает, что иногда усилия по борьбе с собственными предрассудками, страхом, гневом или грустью терпят поражение.

Возвращаясь к теме роли эмоций в принятии решений, стоит упомянуть ряд других исследований, взявших за основу исследования Дамасио. В 1997-м году Барбара Меллерс и коллеги представили теорию аффективного принятия решения («decision-affect theory»). По их мнению, эмоциональные реакции на результат принятого решения не всегда обусловлены его ценностью. То, насколько был вероятен именно этот результат, или то, насколько он стал неожиданностью, также оказывает влияние на эмоциональную реакцию. Неожиданные результаты оказывают более сильное влияние, чем ожидаемые. Хороший результат может показаться даже лучше, чем он есть с точки зрения формальных показателей, если его достижение стало неожиданностью. Результаты кажутся менее приятными, если была возможность получить результат, воспринимаемый, как более достойный и т.д. Меллерс и коллеги утверждают, что, например, склонность к рискованному поведению, может исходить из желания максимизировать ожидаемые эмоциональные реакции⁶⁹.

Таким образом, подходы к изучению эмоций менялись как в рамках психологии, так и в международных отношениях на протяжении всей истории существования обеих научных дисциплин. В психологии позитивизм Джеймса, позиционирующий чувства как

⁶⁵ См. также Turner, J.H. *On the Origins of Human Emotions: A Sociological Inquiry into the Evolution of Human Affect*/ Stanford, CA: Stanford University Press, 2000

⁶⁶ Franks D.D. *The Neuroscience of Emotions/Handbook of the Sociology of Emotions*. ed. Stets J.E., Turner J.H./Handbooks of Sociology and Social Research/ Springer, Boston, MA, 2006

⁶⁷ Tredway et al. *Op.Cit.*

⁶⁸ McDermott, 2004b. *Op. Cit.*

⁶⁹ Mellers, B. A., Schwartz, A., Ho, K. and Ritov, I. *Decision Affect Theory: Emotional Reactions to the Outcomes of Risky Options*//Psychological Science. - 1997 №8(6). - P. 423-429

осознанные последствия уже произошедших физиологических изменений и бихевиоризм Скиннера, постулирующий необходимость отказаться от попытки измерить внутренние процессы, сменился гуманистической, а позже и когнитивной революцией, в рамках которых эмоции вновь стали объектом изучения исследователей. Однако, вплоть до появления методов изучения головного мозга, таких как магнитно-резонансная томография, эмоции в психологии традиционно считались некой иррациональной силой, которую нужно научиться контролировать. Нейронаучные данные, появившиеся в конце прошлого столетия, заставляют учёных усомниться в состоятельности такого подхода. В настоящее время, целесообразно говорить о том, что эмоции и когнитивные процессы не просто влияют друг на друга, но неразрывно связаны на всех этапах восприятия информации и работы с информацией.

1.3. Современные междисциплинарные исследования эмоций

То, что с точки зрения биологических процессов головного мозга, эмоции неотделимы от познания, противостоит издавна укоренившейся в международных отношениях дихотомии между эмоциями как иррациональной силой, и когнитивными процессами. Выводы о том, что эмоция представляет из себя форму знания или способ оценки ситуации, а значит, источник политического решения⁷⁰, обусловило новую волну изучения эмоций. Все большее количество исследователей в области международных отношений теперь рассматривают эмоции как неотъемлемую часть социальной сферы и, следовательно, мировой политики. Эмоции вошли в круг объектов исследования до такой степени, что стало общепринятым говорить об «эмоциональном повороте» в теории международных отношений⁷¹. Однако, попытки инкорпорировать нейронаучные исследования в теорию международных отношений на данный момент имеют разрозненный характер, зависят от рассматриваемого аспекта международных отношений или характеристиках конкретной эмоции. Такая ситуация приводит к тому, что основополагающие вопросы о роли эмоций в мировой политике, касающиеся ценности теоретизировании политических эмоций, возможности комплексной теории эмоций в политических науках (как и необходимости таковой), а также вопросы методологии, остаются неразрешенными. Преобладающие в политической психологии классификации вращаются вокруг хорошо принятых психологических категорий. Они различают, например, когнитивный и аффективный, а также латентный и эмергентный (далее - «возникающий») подходы. Латентный подход или модель, предполагает, что эмоции

⁷⁰ Nussbaum, M.C. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*/Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - P. 1-22; Hutto, D. D. *Truly Enactive Emotion*//*Emotion Review*. - 2012 №4(2). - P. 177

⁷¹ Hutchison & Bleiker. *Op.Cit.* - P. 492

присутствуют в человеке всегда. Страх, например, предшествует или, возможно, даже вызывает политическое поведение. Таким образом, эмоции ускоряют физиологические изменения и когнитивное распознавание. Модели эмергентных эмоций не обязательно утверждают обратное, а скорее требуют более глубокого понимания сложных связей между познанием, чувствами, эмоциями и действиями. Вместо того, чтобы формировать уже существующий фон, эмоции возникают, как результат интерактивной системы тело-разум⁷², которая формируется в человеке с течением времени через формы восприятия и опыта, обусловленные социо-культурной средой. Именно такие оси использует Холмс в своих исследованиях роли эмоций в международных отношениях⁷³. Однако, так как нейронаучные открытия подтверждают более интегрированный «гибридный» подход, предполагающий, что эмоции возникают в результате сочетания как сознательного, так и бессознательного, как когнитивного, так и телесного восприятия, наиболее поздние из кросс-дисциплинарных исследований роли эмоций в мировой политике, также используют классификацию Холмса⁷⁴.

Джонатан Мерсер и Нета Кроуфорд одними из первых поместили эмоции в самое сердце политических рассуждений. Мерсер занимается исследованиями роли эмоций в предположительно «рациональных» процессах принятия решений и коллективных политических процессах, таких как построение межгрупповых идентичностей⁷⁵. Он подчёркивает, что «понимание того, как рациональные акторы думают, требует обращения к эмоциям»⁷⁶. Кроуфорд также критикует классические модели международного политического поведения, отмечая необходимость переосмысления не только рационалистических допущений, но также и редукционистских взглядов на функции конкретных эмоций в мировой политике⁷⁷. Деятельность Мерсера и Кроуфорд существенно повлияла на попытки теоретизировать эмоции в мировой политике. Карен Фирк рассматривает эмоции, как основополагающую часть институциональных структур культуры⁷⁸. Она прослеживает связь между эмоциями и намерениями, утверждая, что несмотря на свою биологическую природу, эмоции в такой же степени являются и субъективным явлением и определяются отношением между субъектом и объектом

⁷² Coan, J. A. Emergent Ghosts of the EmotionMachine//Emotion Review. - 2010 №2(3): 278

⁷³ Holmes, 2013a. Op.Cit.

⁷⁴ Jeffery, R. Reason, Emotion and the Problem of World Poverty: Moral Sentiment Theory and International Ethics//International Theory. - 2011 № 3(1). - P. 144; LeDoux, J. E. Emotion: Clues from the Brain//Annual Review of Psychology, 1995 №46. - P. 209–235.

⁷⁵ Mercer, J. Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics//Journal of International Relations and Development. - 2006№9. - P. 296-299.

⁷⁶ Mercer, J. Emotion and Strategy in the Korean War//International Organization. - 2013 №67(2). - P. 247.

⁷⁷ Crawford, N. C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotions and Emotional Relationships//International Security. - 2000 № 24(4). - P.116–136; Crawford, N. C. Human Nature and World Politics: Rethinking 'Man'//International Relations. - 2009 №23(2). - P.271–88.

⁷⁸ Fierke, K.M. Emotion and Intentionality//International Theory. - 2014 №6(3). - P.563–567.

политического действия. Она подчёркивает, что интерсубъективность как характеристика эмоций, раскрывает центральную роль культуры в любом политическом акте.

Большое количество исследований посвящено изучению того, какую роль различные эмоциональные состояния, такие как гнев, унижение или месть, играют при конкретных международных обстоятельствах. Например, Кроуфорд⁷⁹ утверждает, что страх и эмпатия могут быть институционализированы в мировой политике. Рональд Блейкер⁸⁰ подчёркивает важность эмоций, стоящих за эстетическим измерением политики, в то время как Фирк⁸¹, Эдкинс⁸² и Зефус⁸³ рассматривает эмоциональные аспекты травмы и эмоциональной памяти и то, как они, наряду с эмоциями, связанными с унижением и бесчестием⁸⁴, конструируют сообщества. Наконец, Петерсен⁸⁵ исследует эмоции этнического конфликта, тогда как Пуповац⁸⁶ уделяет особое внимание эмоциональным аспектам гуманитарного вмешательства.

В теории международных отношений данные нейрофизиологических исследований, меняющие представление об эмоции, как об иррациональной силе, также были учтены в работах целого ряда учёных. К сожалению, на данный момент теоретизация роли эмоций в международных отношениях представляет собой разрозненное направление, которое сложно систематизировать. Специалисты рассматривают роль эмоций на разных уровнях анализа, уделяя внимания разным аспектам влияния эмоций на политические процессы. Нет консенсуса и относительно трактовки нейрофизиологических данных, в том числе о том, имеют ли эмоции латентный или эмергентный характер.

1.4. Определение эмоции

Кратко представив основные подходы к эмоциям в психологии и нейронауках, а также охарактеризовав то влияние, которое они оказали на исследования в области международных отношений, и прежде чем перейти к обсуждению современных теоретических дискуссий о роли эмоций в международных отношениях, представляется необходимым дать определение эмоции, как объекту теоретизирования. Это не было

⁷⁹ Crawford, N.C. Institutionalizing Passion in World Politics: Fear and Empathy//International Theory. - 2014 №6(3). - P. 535–557.

⁸⁰ Bleiker, R. Aesthetics and World Politics/New York: Palgrave Macmillan, 2009.

⁸¹ Fierke, K.M. Whereof We Can Speak, Thereof We Must Not Be Silent: Trauma, Political Solipsism and War//Review of International Studies. - 2004 №30(4). - P. 471–491.

⁸² Edkins, J. Trauma and the Memory of Politics/Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

⁸³ Zehfuss, M. Wounds of Memory: The Politics of War in Germany/ Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁸⁴ Fattah, K. and Fierke, K.M. A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East//European Journal of International Relations. - 2009№15(1). - P. 67–93.

⁸⁵ Petersen, R. D. Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred and Resentment in Twentieth Century Eastern Europe/Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

⁸⁶ Pupavac, V. The Politics of Emergency and the Demise of the Developing State: Problems for Humanitarian Advocacy/ Development in Practice. - 2006 №16(3/4). - P.255–269.

сделано ранее, поскольку следовало вначале представить нейронаучные данные последних лет прошлого столетия, в корне поменявшие представление о природе эмоций. Этот раздел не претендует на то, чтобы сформулировать всеобъемлющее определение эмоции или разрешить вечные дихотомии ума/тела, рациональности/эмоциональности или мышления/чувства. Тем не менее, на основе вклада различных научных дисциплин, представляется возможным отметить основные характеристики эмоций, а также указать на существующее в научной литературе различие в восприятии эмоций, чувств, аффекта и т.д.

Понимание феномена эмоции менялось с течением времени как в рамках психологических школ, так и в теории международных отношений. Стоит отметить, что консенсуса о том, чем является эмоция, в научной сфере нет по сей день. Фрэнкс⁸⁷ описывает эту проблему определения следующим образом: «Ошибочность дуалистических контрастов между эмоциями и познанием, которые противопоставляются друг другу как неизбежные антагонисты, это знакомый сюжет. Конечно, их противопоставление иногда бывает правдивым, но более удовлетворительные сравнения будут зависеть от описания того, как они могут быть неразрывно связаны между собой, сохраняя способность находиться в противоречии. Исследователи, которые придерживаются какой-либо одной точки зрения, часто не могут сохранить этот сложный баланс, представляя другую сторону как второстепенное явление. <...> Определения как таковые - это социальные конструкции, в основном, это вопрос мнения, иногда полезного, а иногда нет». Соответственно, изучая эмоции, необходимо учитывать, что те из них, которые являются объектом современных теоретических дискуссий, чаще всего действительно представляют собой конструкт, воспроизводимый автором каждой конкретной работы, чтобы обозначить основу, на которую опирается исследование. Между тем, существуют некоторые характерные черты эмоций, которые принимаются во внимание большинством авторов, и которые необходимо выделить и в данном исследовании. Наиболее наглядным подходом к описанию характерных черт эмоций, как ни парадоксально, является подход «от противного» - описание того, чем эмоция не является. В литературе существует различие между понятиями «эмоция», «чувство», «отношение» и «аффект». Все эти понятия как таковые создают серьёзные методологические проблемы для изучения международных отношений, подчёркивая необходимость обращения к наследию других научных дисциплин.

⁸⁷ Franks. Op. Cit. - P. 55

Холмс⁸⁸ рассматривает понятие аффекта и аффективных интуиций, которые он называет алиф (от англ. alief, по аналогии с belief - “вера, убеждение”). Основная мысль его исследования заключается в том, что аффект необходимо исследовать и учитывать в дисциплине международные отношения, так как он имеет непосредственное влияние на процесс принятия решений. По его мнению, аффектом можно назвать неаналитические по своей природе, быстрые подсознательные умозаключения. Тогда как эмоции - это субъективные переживания, которые физиологически и осознанно ощущаемы⁸⁹. Таким образом, подчёркивается подсознательный характер аффекта, а также то, что его существование в принципе имеет важность только исходя из того, какое влияние аффект имеет на действие в рамках традиционной схемы «убеждение + желание = действие»⁹⁰. Эмоция также может иметь влияние на действие, однако она гораздо глубже, часто более осознанна, и существует на протяжении более длительного времени.

Понятие отношение («attitude») является поведенческим синонимом аффекта, которое выражается в «положительной или отрицательной оценке (симпатии или неприязни) объекта», другими словами, отношение является аффективным обязательством⁹¹. Стоит, однако, отметить, что классические определения понятия отношение, были даны на заре социологии в современном виде этой области знаний, поэтому в свете новых открытий о латентной природе эмоций, вероятно, можно сказать, что отношение также формируется под влиянием эмоций. Однако, поведенческий компонент остаётся главным различием. Наиболее близкими по своей природе являются понятия эмоция и чувство. Большинство учёных, занимающихся мультидисциплинарными исследованиями роли эмоций не выделяют различий между этими двумя понятиями для простоты толкования того или иного аспекта, однако для понимания истинной глубины роли эмоций нужно разграничить эти концепции.

На идею о том, что эмоции и чувства - это связанные между собой, но не идентичные концепции, повлияла «гипотеза соматических маркеров» Антонио Дамасио, предполагающая, что сознательные и бессознательные компоненты эмоций требуют отдельных механизмов обработки мозга. На её основе в области международных отношений Кроуфорд⁹² и Мерсер⁹³ различают понятия чувств и эмоций, описывая первое как сознательное переживание определённого внутреннего состояния, тогда как второе само является «определённым внутренним состоянием». Соответственно, эмоция - это

⁸⁸ Holmes, 2013a. Op. Cit. - P. 706

⁸⁹ Ibid. - P. 707

⁹⁰ Fearon, J. and Wendt, A. Rationalism v. Constructivism: A Skeptical View/Handbook of International Relations, ed. Carlsnaes, W., Risse, T. and Simmons, B./London, UK: Sage, 2002. - P.59.

⁹¹ Thoits, P. The Sociology of Emotions//Annual Review of Sociology. - 1989 №15. - P. 317.

⁹² Crawford, 2000. Op. Cit. - P. 125.

⁹³ Mercer, 2014. Op. Cit.

комплексное явление, заключающее в себе как сознательные процессы, так и неосознанные внутренние процессы, которые сложно контролировать. Как упоминалось выше, эволюционная психология действительно предполагает, что человеческое сознание, включая чувства, развилось намного позже эмоций. Кроме того, любое определение эмоции подчёркивает значимость социального контекста для формирования того самого подсознательного состояния. Эмоция - это субъективное явление, что подразумевает наличие определённых отношений между субъектом и объектом или объектами. Мерсер⁹⁴ утверждает, что социальный контекст влияет на то, каким образом эмоции испытываются и выражаются. Например, чувство боли имеет элемент социальности, поскольку в зависимости от контекста она может сопровождаться такими эмоциями как смущение, гнев, недоверие или отвращение. Тем не менее, сама по себе боль не является социальной и, следовательно, не может быть названа эмоцией. Это упрощённый пример, так как боль может быть вызвана физическим повреждением тела человека. Но ведь и «внутренняя» боль, например печаль, тоска и т.д. вызвана физиологическими изменениями в головном мозге. То, как мы называем осознанное ощущение такой боли и есть чувство, более широкий спектр физиологических процессов, сформировавших это ощущение - эмоция. Все эти процессы обусловлены опытом взаимодействия с социумом. Словами Джозефа Леду⁹⁵, чувство - это «глазурь на торте» (где тортом является эмоция). Итак, наиболее обоснованным и полным определением эмоции, вероятно, можно считать определение, данное Джеральдом Клоре и Эндрю Ортони которые утверждают, что эмоция включает в себя четыре основных компонента: когнитивный (восприятие, внимание, память, рассуждение и принятие решений), мотивационно-поведенческий (способность вызвать действие), соматический (физиологические изменения) и субъективно-воспринимаемый компонент (чувство)⁹⁶.

В заключение стоит отметить, что сотрудничество между представителями различных научных дисциплин открывает новые горизонты в исследовании роли эмоций в политических науках. Теория международных отношений может извлечь существенную выгоду, посмотрев на эмоции с точки зрения нейронаучных открытий последних десятилетий, способных в корне поменять понимание природы эмоций, а следовательно и когнитивных процессов, которым в международных отношениях отдаётся предпочтение. Вопросы рациональности при принятии решений, вопросы мотивации политического действия, последствия самоидентификации и идентифицирования с определённой

⁹⁴ Ibid. - P. 520.

⁹⁵ LeDoux, J. E. Emotion: Clues from the Brain//Annual Review of Psychology. - 1995 №46. - P. 209–35.

⁹⁶ Clore, G. L. and Ortony, A. Cognition in emotion: Always, sometimes, or never?//Cognitive neuroscience of emotion, ed. Lane, R.D and Nadel, L. . New York: Oxford University Press, 2000. - P. 24–61.

политико-культурной общностью, влияние исторической памяти на политический процесс, последствия институционализации и социализации индивидуальных эмоций и многие другие процессы в международных отношениях обусловлены паттернами активации человеческого мозга, порождающими эмоции. Политические науки, в свою очередь, обладают обширной методологией, которая могла бы быть использована в когнитивной нейронауке для того, чтобы открытия в этой области были вписаны в контекст окружающей среды. Несмотря на то, что процесс междисциплинарного 'обмена' пока имеет односторонний характер, его плоды уже принести в теорию международных отношений то, что многие называют «эмоциональным поворотом», когда все больше исследований посвящено месту эмоций на международной арене. Между тем, исследования эти разрозненны и далеки от формирования единой теории эмоций в мировой политике. Кроме того, существует несколько фундаментальных научных дискуссий по ряду вопросов, связанных с теоретизированием эмоций.

Глава 2. Общетеоретические проблемы в изучении эмоций в мировой политике

2.1. Роль эмоций в процессе принятия решений

Возникнув как вызов давней дихотомии эмоций и разума, а также как следствие междисциплинарного обмена, «эмоциональный поворот» в области теории международных отношений включает множество исследований роли эмоций в мировой политике, и формирует новое понимания широкого спектра традиционных и нетрадиционных политических явлений⁹⁷. Многие фундаментальные концепции в теории международных отношений подверглись критике с появлением «эмоционального поворота», что, в свою очередь привело к ряду теоретических дискуссий, исход которых может пролить свет на причины того или иного политического поведения, оказав серьёзное влияние на развитие дисциплины в целом. Одной из таких дискуссий стал вопрос о том, насколько новые знания о природе эмоций способны поменять широко распространённое понимание концепции рациональности, а значит и роли эмоций в принятии решений, в том числе политических. Парадигма рационального выбора занимает особое место в теории международных отношений, претендуя на роль универсальной модели (или, скорее, целого ряда моделей) принятия политических решений⁹⁸. Теории рационального выбора утверждают, что люди просчитывают результаты альтернативных действий и принимают решение, которое будет для них наилучшим или которое может принести им наибольшее удовлетворение, с учётом собственных ресурсов, таких как время, информация, одобрение, престиж и т.д.⁹⁹. Общепринятой критикой теорий рационального выбора, в частности в экономике, считается Теория перспектив Канемана и Тверски, предложенная в 1979 году. Теория подчёркивает, что люди принимают решения, основываясь на субъективной потенциальной ценности потерь и выгод, а не на конечном результате, и что оценка этих потерь и выгоды, производится с использованием некоторых эвристик, или когнитивных искажений¹⁰⁰. Люди решают проблемы, творчески подходя к вопросу, достигая компромиссов между ценностями и конечными целями и оправдывая свои решения перед

⁹⁷ Hutchison and Bleiker. Op. Cit. - P. 492.

⁹⁸ Coicaud, J-M. The Question of Emotions and Passions in Mainstream International Relations, and Beyond. /Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations/Ed. Ariffin, Y. Coicaud, J-M. and Popovski V./ Cambridge: Cambridge University Press, 2016. - P. 39; Hutchison and Bleiker. Op. Cit. - P. 495; McDermott, 2004a. Op. Cit. - P. 47; Crawford, 2000. Op.Cit. - P. 117.

⁹⁹ Heath, A. Rational Choice and Social Exchange/Cambridge: Cambridge University Press, 1976. - P. 3; Scott, J. Rational Choice Theory/Understanding Contemporary Society: Theories of The Present, ed. Halcli, G. B. and Webster, F. /Sage Publications, 2000. - P.3.

¹⁰⁰ Tversky, A. and Kahneman, D. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. — 1979 № 47 (2).- P. 263-291.

собой и другими. Изучая процесс принятия решений в условиях ограниченной информации, Тверски и коллеги выделяют основные когнитивные искажения, предполагая, что они появились и эволюционировали в человеческом мозге, потому что существенно упрощают и убыстряют процесс принятия решений¹⁰¹.

Используя результаты исследований Канемана и Тверски в сфере политических наук, а также сопоставляя и дополняя их данными нейронаучных исследований, Роуз Макдермотт утверждает, что при формировании эвристик решающую роль играют именно эмоции¹⁰². Так как эмоциональная обработка информации в головном мозге происходит быстрее, чем когнитивные процессы, определённые решения, ответы на вопросы, события и т.д. кажутся человеку более вероятными, чем они есть на самом деле с точки зрения Теории ожидаемой полезности и других математических моделей в рамках парадигмы рационального выбора. Это утверждение сходно с пониманием роли эмоций в принятии решений с точки зрения эволюционной психологии¹⁰³, где эмоции интерпретируются как своего рода общая операционная система, которая направляет различные физиологические и психологические процессы для достижения конкретных целей, помогая быстро и эффективно переработать большое количество информации из окружающего мира и сформировать выбор или модель поведения. Эвристики также могут привести к систематической предвзятости в суждениях.

Однако, формирование эвристик - это лишь небольшой аспект влияния эмоций на процесс принятия решений. Более того, эвристики по определению вписываются в классические теории рациональности, так как те не отрицают вероятности негативного влияния некой «иррациональной силы». Теория перспектив не утратила свою значимость как в экономике, так и в международных отношениях, однако последующие исследования головного мозга показывают, что роль эмоций не ограничивается их способностью вмешиваться в рациональные процессы - понимание физиологической природы эмоций может привести к необходимости реконцептуализации понятия рациональности как такового. Так, в эксперименте Дамасио пациенты с повреждениями вентромедиальной префронтальной коры головного мозга - условно говоря, отделом, отвечающим за эмоциональное восприятие, не могли верно выполнить задания и сделать правильный выбор даже после нескольких попыток, при том, что обладали нормальным IQ (от 80 до

¹⁰¹ Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения/Харьков: Гуманитарный центр, 2005.

¹⁰² McDermott, R. The Psychological Ideas of Amos Tversky and their Relevance for Political Science// Journal of Theoretical Politics. - 2001 №13(1). - P. 13; McDermott, R. Prospect Theory in Political Science: Gains and Losses from the First Decade// Political Psychology. - 2004c №25(2). - P. 289-312.

¹⁰³ Cosmides, L. and Tooby, J. Evolutionary psychology and the emotions/ Handbook of emotions. - 2000 № 2(2). - P. 91-11.

143) и внешне ничем не отличались от здоровых людей¹⁰⁴. Соматические маркеры - механизмы, позволяющие интегрировать эмоциональные последствия наших предыдущих взаимодействий с объектами или ситуациями для оценки вероятного результата принимаемого решения. Они способны вызывать разумный страх перед рисками, задействовать механизмы памяти и обучения, формировать предпочтения, мотивировать к действию, управлять вниманием, влиять на ощущения¹⁰⁵. На основе трудов Дамасио о коллегах, а также последующих исследований из области психологии и нейронаук, Макдермотт делает первые шаги к созданию модели эмоциональной рациональности, выделяя десять «когнитивных истин» («cognitive truths»), на которых такая модель могла бы быть построена¹⁰⁶:

1. Эмоции, которые человек ощущает, способны побудить его к действию.
2. Эмоциональное состояние, которое человек предполагает испытать как последствие принимаемого решения, является фактором, влияющим на исход процесса принятия решения.
3. Если человек испытывает негативные эмоции (страх, гнев, стресс и т.д.) в процессе принятия решения, то он с большей вероятностью будет более пессимистично оценивать потенциальный исход своего решения.
4. Эмоции способны управлять вниманием принимающего решение, в том числе инициируя поиск новой информации.
5. Настроение может повлиять на выбор абстрактных воспоминаний, которыми руководствуется человек в процессе принятия решения, а также на восприятие социально значимой информации, оценку ситуации и поведение.
6. Настроение может повлиять на выбор более конкретных жизненных аналогий, в особенности из собственного опыта, а также на сам процесс запоминания.
7. Эмоции могут влиять на восприятие риска.
8. Нейронные пути в головном мозге, связанные с эмоциональным восприятием, быстрее по скорости, чем те, которые связаны с более сложными процессами познания, но при этом они часто не уступают тем в точности выносимого суждения.
9. Конкретные эмоции могут привести к предвзятости в принятии решений.

¹⁰⁴ Damasio, A. *The Feeling of What Happens: Body, Emotion and the Making of Consciousness*/ Harcourt Brace, 1999. См. также Bechara, A. et al. *Op. Cit.*; Lerner, J. S., Li, Y., Valdesolo, P., & Kassam, K. S. *Emotion and decision making*// *Annual Review of Psychology*. - 2015 №66.

¹⁰⁵ McDermott, 2004b *Op. Cit.* - P. 700.

¹⁰⁶ *Ibid.* - P. 701.

10. Эмоции играют роль в формировании интуитивных догадок.

Очевидно, что данные выводы представляет собой не законченную теорию, а набор тезисов о роли эмоций в принятии решений, которые Макдермотт выделила на основе анализа и систематизации большого объёма исследований. Стоит отметить, что каждый из этих пунктов вызывает оживлённые дискуссии в нейробиологии. Например, как было упомянуто ранее к вопросу об определении эмоции, не ясно, можно ли использовать понятия «эмоция» и «настроение» в качестве взаимозаменяемых. Сама Макдермотт в другой работе указывает, что « фоновые настроения отличны от кратковременных эмоциональных состояний»¹⁰⁷, хотя далее явно использует эти два понятия, как не имеющие разницы¹⁰⁸. Другие исследователи разделяют понятия эмоции и настроения на основании того, что эмоции имеют определённый ярко выраженный источник, тогда как настроение - это общее чувство, которое не направлено на какой-либо определённый объект¹⁰⁹. Однако, несмотря на разногласия в определениях, в литературе существует консенсус, что являясь эмоциональным состоянием настроение оказывает влияние на процесс принятия решений. Другой пример того, что в отношении данных «когнитивных истин» нет консенсуса в научном мире, касается самого первого пункта о способности эмоции повлечь определённое действие. Так, Джорж Лёвенштейн и коллеги¹¹⁰ предложили модель «риск как чувства» («risk-as-feelings»), утверждая, что перед тем, как принять решение, в том числе об активном действии, в условии риска, люди оценивают ситуацию, используя два взаимосвязанных, но различных механизма - когнитивную оценку (рациональные аргументы) и эмоции (в том числе в отношении чувств, которые будут испытаны как следствие оцениваемой ситуации). Таким образом, эмоции имеют информационную функцию, предлагая сведения о потенциальном эмоциональном состоянии в будущем, которая могла бы быть полезна при принятии решения в настоящем. Макдермотт¹¹¹ утверждает, что Лёвенштейн и коллеги недооценивают мотивационную составляющую эмоций, приписывая им подобную вспомогательную функцию¹¹². Как альтернативный вариант она приводит модель «чувствование существует для действия»

¹⁰⁷ McDermott, R. Emotional dynamics of cyberconflict// Journal of Cybersecurity/Under review/ Доступен по ссылке: <https://ndisc.nd.edu/assets/290142/emotional_cyber.pdf>. 2018 - P. 6

¹⁰⁸ Ibid. - P. 11

¹⁰⁹ Clore G.L., Schwarz N., Conway M. Affective causes and consequences of social information process/ Handbook of Social Cognition ed Wyer R.S. and Srull T.K/ Hillsdale, N.J: Erlbaum, 1994. - P. 323-417

¹¹⁰ Loewenstein, G. F; Weber, E. U; Hsee, C. K, Welch, N. Risk as Feelings// Psychological Bulletin. - 2001 №127(2). - P. 267-286

¹¹¹ McDermott, 2018. Op. Cit. - P. 6.

¹¹² См. также Lerner, J. S. and Keltner, D. Beyond valence: Toward a model of emotion specific influences on judgment and choice. Cognition and Emotion. - 2000 №14. - P. 473-493.

(«feeling-is-for-doing»), предложенную Зиленбергом и коллегами¹¹³. Они утверждают, что воздействие определённых эмоций происходит через сильную связь между эмоцией и мотивацией, так как именно под влиянием эмоций человек отдаёт приоритет тому или иному поведению.

Тем не менее, объем данной работы не позволяет углубиться в нейронаучные дискуссии. Для данной работы интерес представляет скорее вопрос о том, насколько попытка Макдермотт сделать первые шаги в отношении новой теории рациональности, или эмоциональной рациональности, релевантна для международных отношений. Сама Макдермотт приводит последствия предложенных «когнитивных истин» в той же статье¹¹⁴. Она пишет, что экономические показатели являются плохим инструментом оценки таких переменных как счастье, благополучие, продуктивность или свобода. Макдермотт утверждает, что источником счастья может быть социальная поддержка, а значит правительства должны уделять меньше внимания экономическим показателям, а больше - программам занятости и поощрению мероприятий, связанных с досугом, например финансирования внешкольных программ и общественных парков, поддержки брачных и других семейных отношений. Она также подчёркивает роль образования, особое внимание уделяя эмоциональному образованию (к примеру, инициатива PATHS - Promoting Alternatives Thinking Strategies), эффект от которых будет наибольшим при обучении детей, так как их мозг находится в процессе активного формирования.

Однако, такие выводы выглядят как некоторого рода клише, для которых не требовалась такая тяжёлая работа, как обобщение данных исследований в рамках нескольких научных дисциплин: под лозунгами необходимости увеличения государственного финансирования в сферу образования проходила не одна кампания по всему миру, а дискуссии о необходимости более качественного отражения благосостояния людей в мире также не новы и имеют некоторые последствия (например, попытка использования Индекса Счастья - Happy Planet Index¹¹⁵, предложенного в 2006 году Фондом новой экономики, или World Happiness Report¹¹⁶). Если согласиться с Макдермотт, что именно счастье, свобода, благосостояние и продуктивность являются ключом к общественному порядку и процветанию (хотя, вероятно, в рамках мировой политики

¹¹³ Zeelenberg, M., Nelissen, R. M. A., Breugelmans, S. M., & Pieters, R. On emotion specificity in decision making: Why feeling is for Judgment and Decision Making. - 2008 №3(1). - P. 18-27

¹¹⁴ McDermott, 2004b. - P. 701.

¹¹⁵ Happy Planet Index 2016 Methods Paper/Happy Planet Index.- 2016. Доступно по ссылке: https://static1.squarespace.com/static/5735c421e321402778ee0ce9/t/578cc52b2994ca114a67d81c/1468843308642/Methods+paper_2016.pdf

¹¹⁶ Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. World Happiness Report 2019/New York: Sustainable Development Solutions Network. - 2019.

такие обобщения недостаточны), то механизм, по которому предложенные Макдермотт политические приоритеты вытекают из десяти предложенных ею пунктов, не очевиден.

Ещё одним видным специалистом в сфере международных отношений, занимающимся исследованием роли эмоций в принятии решений, является американский учёный Джонатан Мерсер. Также исходя из выводов исследований в области нейронаук, Мерсер предполагает, что главную роль в процессе принятия решений играет эмоциональное убеждение («emotional belief»), которое включает в себя как эмоциональную, так и когнитивную обработку информации¹¹⁷. Эмоциональное убеждение - это суждение или совокупность суждений, которые, по мнению его обладателя, являются истинными. Формирование эмоциональных убеждений, а также приверженность им, регулируются эмоциями¹¹⁸. Мерсер утверждает, что доверие, национализм и справедливость - это эмоциональные убеждения. Так, национализм зиждется на чувстве гордости, а чувство гордости, в свою очередь, является для человека показателем того, что его страна хороша. Соответственно, существует два основных способа взаимозависимости эмоциональности и рациональности. Во-первых, эмоции влияют на то, как и во что люди верят, так как они способны повышать ценность одних фактов перед другими, формируя особый взгляд на ситуацию. Это утверждение напрямую перекликается с предложенными Макдермотт пунктами 2, 4, 5, 6, 7, 9. Во-вторых, эмоции укрепляют эмоциональные убеждения¹¹⁹. Позитивные или негативные чувства, а также ожидаемые эмоции, часто воспринимаются как свидетельства, подтверждающее эмоциональное убеждение. Например, чувства, вызванные новостью о пожаре в Соборе Парижской Богоматери, могут уверить их обладателя в правдивости уже укоренившегося в его сознании предубеждения против этнических меньшинств¹²⁰, или в существовании серьёзного раскола во французском обществе¹²¹, или даже в силе возмездия французам за колониальное прошлое их страны¹²². Хотя связь между событием и эмоциональными убеждениями совершенно неочевидна, а иногда и вовсе не реальна, эмоции могут служить источником дополнительного подтверждения собственного мнения, тогда как логика будет бессильна. Об этом также упоминает Макдермотт в пунктах 1 и 2.

¹¹⁷ Mercer, J. Emotional Beliefs. International Organization. - 2010 №64(1) - P. 1-31.

¹¹⁸ Ibid. - P. 5

¹¹⁹ Ibid. - P. 7

¹²⁰ Mezzofiore, G. The internet is already awash in Notre Dame conspiracies/ CNN Business. - 2019. Доступно по ссылке: <https://edition.cnn.com/2019/04/16/tech/conspiracy-theories-notre-dame-cathedral-fire/index.html>

¹²¹ Михайлов, С. Единение в бессилии. Чем стал для Франции сгоревший Нотр-Дам/ Московский Центр Карнеги. - 2019. Доступно по ссылке: <https://carnegie.ru/commentary/78892>;

¹²² 河源晚报 点击, 巴黎圣母院失火 / Hynews, 2019. Доступно по ссылке: http://www.hynews.org/2019/pinglun_0419/58868.html

Мерсер также анализирует влияние одного из таких эмоциональных убеждений - надёжности («credibility»), в международных отношениях. Акторы в международных отношениях заслуживают доверия, если считается, что они обладают возможностями, интересом и решимостью выполнять обязательства¹²³. Надёжность одного актора по отношению к другому зависит как от выбора (и интерпретации) доказательств, так и от расчёта риска. Надёжность - это эмоциональное убеждение, так как эмоция, во-первых, влияет на поиск, преференцию и оценку информации, которая может использоваться в качестве доказательства¹²⁴. Так, чувства симпатии или неприязни, одобрения или неодобрения, любви или ненависти, гордости или унижения - способны влиять на то, каким факторам в отношениях между акторами или каким историческим прецедентам будет уделено больше внимания при выборе позиции и построении стратегии взаимодействия. Во-вторых, эмоция влияет на оценку риска при принятии того или иного решения. Как и Макдермотт, Мерсер приходит к выводу о том, что эмоция влияет на воспринимаемую вероятность того или иного исхода. (3) Кроме того, распознавание эмоциональных убеждений других акторов необходимо для понимания степени доверия к собственному государству, то есть воспринимаемой другими акторами надёжности.

Подход Мерсера не претендует на звание полноценной теории взаимосвязи рациональности и эмоций, однако введённое им понятие эмоционального убеждения может быть рассмотрено как некое связующее звено, или механизм, посредством которого десять основных функций эмоций в процессе принятия решений, систематизированные Макдермотт, отражаются в мировой политике. Идеи Мерсера также важны с точки зрения их потенциальной способности стать частью решения ещё одного спорного вопроса относительно роли эмоций в международных отношениях - дискуссии причинно-следственной связи между эмоциями и политическими действиями.

Из приведённого анализа можно сделать вывод, что Джонатан Мерсер и Роуз Макдермотт - одни из немногих теоретиков в сфере политических наук, изучающих вопросы взаимосвязи эмоций и когнитивных процессов. Это не совсем так. В своём обширном обзоре исследований на тему роли эмоций в политике, опубликованном в 2000-м году, американский политолог Джорж Маркус приводит множество трудов, посвящённых тому, как эмоции влияют на оценочные суждения представителей политических элит, а также роли аффекта в формировании долгосрочных предрасположенностей у граждан¹²⁵. Значительно позже, в 2015-м году, Дженнифер Лернер и коллеги систематизировали и проанализировали данные психологических

¹²³ Mercer, 2010. - P. 14

¹²⁴ Ibid. - P. 14

¹²⁵ Marcus, G. Emotions in Politics// Annual Review of Political Science. - 2000 №3. - P. 221-250.

исследований на тему роли эмоций в процессе принятия решений за последние 35 лет работы в этой области¹²⁶. При этом они предложили свою модель эмоционального выбора, которая синтезирует традиционные теории рационального выбора и теории об эмоциях. Причина, по которой данная работа подробно не останавливается на этих двух работах в том, что они практически не касаются нейронаучных открытий. Как ни парадоксально, с точки зрения изучения эмоций, психологи, так же как и специалисты в сфере международных отношений и политологии, сравнительно недавно обратились к нейронаукам, осознав важность их вклада в соответствующие дисциплины. Значительная часть исследований политических психологов была основана на изучении когнитивных ограничений - эвристик и предубеждений, которые мешают принятию решений¹²⁷. Дэвид Фрэнкс - социолог, автор нескольких трудов о необходимости интеграции социологии и нейронаук, пишет, что, поверхностного взгляда на данные нейробиологии о роли эмоций в общественных процессах недостаточно, чтобы изменить традиционное отношение к рациональности, добавляя, что репутация социологии в академических кругах будет зависеть от желания сделать это¹²⁸. Именно поэтому в данной части работы акцент сделан на исследованиях тех политологов, которые в своей работе обобщили не только результаты исследований из области политической психологии, но и ещё и данные нейронаук.

Кроме того, важно учитывать, что психологические модели не должны и не стремятся заменить модели рационального выбора. Ценность моделей рационального выбора сложно отрицать. Однако, их притязания на то, чтобы служить универсальной моделью, подрывают их авторитет, потому что они не охватывают человеческую и социальную реальность¹²⁹. До тех пор, пока функции эмоций в процессе принятия решений не изучены более детально на междисциплинарном уровне, вероятно, ни один из подходов не способен объяснить процесс принятия решения без обращения к другому. При этом, в некоторых важных для политологов контекстах (например, при необходимости стратегического выбора) или при изучении определённых феноменов (таких как доверие, идентичность, справедливость или репутация) подход к рациональности, принимающий во внимание эмоции, может превзойти традиционные рационалистические¹³⁰.

2.2. Проблема уровней анализа при изучении эмоций

¹²⁶ Lerner et al. Op. Cit.

¹²⁷ Kertzer and Tingley. Op. Cit. - P. 326

¹²⁸ Franks. Op. Cit. - P. 39.

¹²⁹ Coicaud, 2016. Op. Cit. - P. 9.

¹³⁰ Mercer, J. Rationality and Psychology in International Politics// International Organization. - 2005 №59(1). - P. 77–106.

Взаимозависимость эмоций и когнитивных процессов - феномен сложный, не до конца изученный, затрагивающий различные отделы головного мозга и имеющий индивидуальные особенности. И всё же её существование все же не оставляет сомнения. Однако, если исходить из точки зрения о том, что эмоция - это биологическая функция организма - её можно обнаружить в виде паттернов активации нейронных сетей путём сканирования мозга, то каким образом индивидуальные эмоции становятся коллективными? Сложность обобщения эмоции, как биологического или материального явления, до уровня группы, коллектива, общества, государства или международного сообщества ставит под сомнение значимость эмоций в мировой политике и сокращает сферу деятельности сторонников «эмоционального поворота» до личностного уровня анализа. Однако, из обзора литературы, приведённого в Главе 1, можно сделать вывод, что большое количество исследований в сфере международных отношений и смежных дисциплинах посвящено именно вопросам, связанным с групповыми эмоциями, общественными настроениями, связям культуры и эмоций и т.д., что помещает дискуссию об уровнях анализа на первый план в теоретизировании роли эмоций в мировой политике. Лишь небольшое количество исследований посвящено вопросу уровней анализа в изучении эмоций.

Одним из самых разработанных является подход Джонатана Мерсера¹³¹. По его мнению, дискуссия о природе эмоций на уровне группы в мировой политике имеет первостепенное значение, поскольку эмоции влияют на формирование групповой идентичности. Он определяет социальную эмоцию как чувство, имеющее внутреннюю важность для индивида в отношениях с каким-либо субъектом, будь то другой индивид или группа людей¹³². Под внутренней важностью понимается то, что эмоция соотносится с каким-либо элементом, который небезразличен человеку, например: статус, власть, справедливость или чувство привязанности. Понятие идентичности импонирует Мерсеру как объект исследования, непосредственно связанный с эмоциями, и одновременно как связующее звено между уровнями анализа по двум причинам. Первой из них является то, что любая эмоция формируется под влиянием социума, что делает неполным изучение эмоций индивида без социального контекста, в котором он находился и находится. Эмоции не могут существовать в головном мозге априори, так как эмоция не просто возникает из телесных ощущений (визуальных, тактильных, слуховых), а формируется в тесной взаимозависимости с социо-культурным контекстом¹³³. Это точку зрения разделяет

¹³¹ Mercer, 2014. Op.Cit.

¹³² Ibid. - P. 516.

¹³³ Lindquist, K. A. Emotions Emerge From More Basic Psychological Ingredients: A Modern Psychological Constructionist Model// Emotion Review. - 2013 №5(4). P. 356–58; Hutchison and Bleiker. Op.Cit. - P.491–514

Джэнис Бьялли Маттерн, которая в данном вопросе обращается напрямую к нейронаучным данным, а конкретно к выявленной учёными в конце прошлого века нейропластичности мозга. Нейропластичность - «это способность нейронов и нейронных сетей в мозге изменять свои связи и поведение в ответ на новую информацию, сенсорную стимуляцию, развитие, повреждение или дисфункцию»¹³⁴. Пластичность проявляется в том, что в процессе обработки информации - обучения, нейроны в мозге образуют синапсы. Затем, когда мозг на протяжении жизни сталкивается с сенсорной информацией, некоторые из этих синапсов усиливаются (в том числе в случае повторения или сходной информации), а другие ослабевают. По мнению Бьялли Маттерн, само наличие такой способности человеческого мозга меняться, адаптируясь к новым контекстам и усваивая новую информацию, предлагает теоретическое решение проблемы уровней анализа. Нейропластичность свидетельствует о том, что эмоции рождаются под влиянием социального контекста в той же мере, насколько они порождены индивидуальными физиологическими особенностями¹³⁵.

Это позволяет Мерсеру утверждать, что эмоции имеют причинно-следственную связь с телом (так как ничто другое, кроме тела не может породить эмоции), однако онтологически не равны ему (потому что человек чувствует, что испытывает эмоции). Вторая причина, по которой Мерсер обращается к исследованию эмоций через идентичность заключается в том, что выделение эмоций в отдельные категории - такой же конструкт, как и само понятие идентичности и многие другие социальные конструкты, имеющие важность в восприятии людей, несмотря на отсутствие физического материального основания для этого. Мерсер называет эмоции конструктом, несмотря на то, что они вызваны вполне измеримыми химическими процессами в головном мозге, заключается в том, что сканирование мозга не выявляет статистически значимых различий в паттернах активации, которые бы давали возможность говорить о чётком разделении на конкретные эмоции (страх, гнев, счастье). Группы реальны не как субстанции, а как формы социальных отношений¹³⁶, эмоции реальны не только как субстанции, но и как сущности, независимые от биологического источника, - это возникающее свойство групп, изобретённое самими этими группами, поэтому их необходимо исследовать. В этом вопросе точка зрения Мерсера сходна с мнением психолога-конструктивиста Лисы Фельдман Барретт, которая утверждает, что не только эмоции, но и более широкие психологические категории, такие как познание, личность, поведение - это и

¹³⁴ Rugnetta, M. 2019. Neuroplasticity. Encyclopædia Britannica, Encyclopædia Britannica, inc. Доступно по ссылке: <<https://www.britannica.com/science/neuroplasticity>>

¹³⁵ Bially Mattern, J. On Being Convinced: An Emotional Epistemology of International Relations// International Theory. - 2014 №6(3).2014. - P. 590

¹³⁶ Young, I. M. Justice and the Politics of Difference/Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. - P.44

составляющие человеческого разума, и одновременно творения этого разума¹³⁷, то есть конструкции, которые люди придумали для удобства описания определённых явлений. Она утверждает, что психологи (а по мнению Мерсера, еще и политологи) слишком серьезно относятся к феноменологии эмоций, которая предполагает создание психологических категорий на основе опыта. Они принимают категории, которые зависят от наблюдателя (observer-dependent), за независимые категории (observer-independent) в соответствии с терминологией американского философа Джона Сёрля¹³⁸. Так, групповые эмоции так же реальны, как и другие категории, которые люди создают и согласовывают, такие как нормативные структуры, социальные институты или идентичность. Более того, групповые эмоции не могут быть редуцированы до индивидуальных, потому что они часто более сильные, чем индивидуальные¹³⁹, а иногда эмоции, вызванные определёнными химическими процессами, могут отличаться на индивидуальном уровне от того, что при этих же процессах человек испытывает по отношению к группе¹⁴⁰.

Психологи Элиот Смит и Дайан Мэки отмечают, что «эмоции относятся к идентичности, а не к биологической личности»¹⁴¹. Гордость за свою группу или ненависть к врагу предполагает идентичность, о которой заботится тот, кто испытывает эти эмоции. Мерсер считает, что именно взаимозависимость эмоций и идентичности решает вопрос того, как индивидуальные эмоции становятся коллективными. Ссылаясь на классическую Теорию социальной идентичности (Social Identity Theory) Генри Тэджфела и Джона Тернера¹⁴², он утверждает, что именно эмоции, такие как желание чувствовать себя хорошо будучи частью социальной группы, объясняют, почему люди дискриминируют людей из других групп без видимой причины. Идентификация зависит от чувства привязанности. Чем важнее социальная идентичность, тем важнее позитивный взгляд на свою группу. По мнению Мерсера, существуют четыре механизма перехода от личной идентификации к групповой: (1) Во-первых, посредством культуры, как идейной структуры, которая обуславливает, по какой причине и с какой силой индивид чувствует определённые эмоции. Социо-культурный контекст оказывает влияние на формирование эмоции, и одновременно с этим, через механизмы нейронной связи между эмоциональными и когнитивными процессами, ставшими основой для дискуссии об

¹³⁷ Barrett, Lisa F. The Future of Psychology: Connecting Mind to Brain// Perspectives on Psychological Science. - 2009 №4(4). - P.327.

¹³⁸ Searle, J. R..The construction of social reality/ New York: Free Press, 1995.

¹³⁹ Smith, E. R., Seger, C. R. and Mackie, D. M. Can Emotions be Truly Group Level? Evidence Regarding Four Conceptual Criteria// Journal of Personality and Social Psychology, 2007 №93(3). - P. 431–46.

¹⁴⁰ Mercer, 2014. Op.Cit. - P.526.

¹⁴¹ Smith, E. R. and Mackie D. M.Intergroup Emotions/ Handbook of Emotions, 3rd ed.. ed. Lewis, M., Haviland-Jones, J. M. and Barrett, L. F./New York: The Guilford Press, 2008. - P. 436.

¹⁴² Tajfel, H. andTurner, J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior/ Psychology of Intergroup Relations, 2nd ed. ed.Austin, W. G. and Worchel, S. /Chicago: Nelson-Hall, 1986.

эмоциональной рациональности, определяет групповую идентичность. (2) Во-вторых, поскольку люди в группе количественно больше взаимодействуют с членами своей группы или, по крайней мере, больше заботятся об этих взаимодействиях, члены одной и той же группы оказывают влияние друг на друга. Так, например, чем сильнее человек идентифицирует себя с группой, тем больше он старается соответствовать групповым взглядам и убеждениям, и тем бдительнее он становится к тому, соответствуют ли другие этим нормам¹⁴³. (3) В-третьих, эмоции заразительны. На личном уровне за распознавание и имитацию эмоций другого, вероятно, отвечает механизм зеркальных нейронов¹⁴⁴. На групповом уровне, перенимание эмоций группы также стало объектом множества исследований¹⁴⁵. (4) Кроме того, события, имеющие последствия на уровне группы, вызывают реакции, разделяемые на уровне группы. Когда членство в группе определяет интересы тех, кто входит в неё, можно ожидать, что события, касающиеся группы, вызовут сходные реакции у её членов.

Исследования нейронных механизмов памяти дополняют подход Мерсера к решению вопроса о том, что индивидуальные эмоции становятся коллективными через понятие идентичности, и подчёркивают нередуцируемость эмоции к её источнику, в виде головного мозга. Учёные, как правило, проводят различие между эмоциональными и когнитивными процессами запоминания и воспроизведения в памяти, однако ни один из них не важнее другого. Когнитивная память хранит фактическую информацию о датах, времени, именах окружающих людей. Механизмы эмоциональной памяти регистрируют, хранят и извлекают информацию, имеющую аффективное значение, такие как эмоциональная привязанность к человеку, месту или стране¹⁴⁶. Кроме того, даже исторические процессы могут восприниматься через эмоциональную идентификацию с членами группы, связанными с историческими событиями.

Джонатан Мерсер - один из немногих современных специалистов в области международных отношений, кто предложил комплексное решение вопроса об уровнях анализа в исследованиях эмоций, с учётом данных нейронаук, психологии и философии. Однако, и в его утверждениях есть несколько моментов, способных вызвать критику. Так, назвав своё исследование «Думая как государство» (“Thinking like a State”), Мерсер затрагивает вопрос, который до сих пор вызывает бурную дискуссию теоретиков: может

¹⁴³ McDoom, O. S. The Psychology of Threat in Intergroup Conflict: Emotions, Rationality, and Opportunity in the Rwandan Genocide// *International Security*. - 2012 №37(2). - P. 119–55.

¹⁴⁴ Holmes, M. The Force of Face-to-Face Diplomacy: Mirror Neurons and the Problem of Intentions// *International Organization*. - 2013b №67(4). - P.829–61; Holmes, M. *Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations*/ Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

¹⁴⁵ см. например Parkinson, B. and Simons, G. Affecting Others: Social Appraisal and Emotion Contagion in Everyday Decision Making// *Personality and Social Psychology Bulletin*. - 2009 №35(8). - P. 1071–84.

¹⁴⁶ Franks. *Op. Cit.* - P. 57

ли государство «думать» или «чувствовать», или оно является суммой составляющих его граждан?¹⁴⁷. Говоря о том, что группы могут испытывать социальные эмоции, Мерсер не уточняет, о каких группах в государстве целесообразно вести речь в рамках политических исследований. Кроме того, подход Мерсера не принимает во внимание кросс-культурные исследования эмоций, результаты которых говорят о существовании по крайней мере семи универсальных эмоций, которые возникают и распознаются другими людьми вне зависимости от культурного контекста, гендера, возраста и других факторов¹⁴⁸. Он делает это намеренно, так как настаивает, что эти универсальные эмоции - лишь конструкт, придуманный для удобства коммуникации. Дело в том, что несмотря на показатели некоторых исследования сердечно-сосудистых измерений, электромиографической активности лицевых мышц и т.д., подтверждающих традиционную идею, что некоторые эмоции могут являться независимыми от наблюдателя категориями (или универсальными эмоциями), большая часть доказательств опровергает эту точку зрения. Дисперсия, наблюдаемая при измерениях в рамках какой-либо одной из этих категорий (например, гнева или страха), не слишком отличается от изменчивости, регистрируемой между категориями¹⁴⁹. Необходимо пояснить, что Мерсер не приуменьшает значимость социальных конструктов, но предостерегает об осторожности использования отдельных эмоциональных категорий по крайней мере до тех пор, пока не будет значительного количества статистически значимых корреляций между активацией нейронных путей в головном мозге и проявлениями эмоций, причём желательно на кросс-культурном уровне. Однако, в этом случае, как справедливо замечает Джанис Бьялли Маттерн, возникает другая дилемма: если категории эмоций - это социальный конструкт (так как различие между эмоциями и процессом познания имеет феноменологическую, а не причинно-следственную обусловленность), то имеет ли смысл вообще изучать эмоции?¹⁵⁰ Другими словами, если любая мысль и любое действие как в частной жизни, так и на международной арене, окрашено эмоциями, их непросто отделить от процессов познания, а также, на данном этапе, невозможно выделить в отдельные категории, то зачем искусственно создавать объект изучения. Этот аргумент напоминает утверждения про классиков теории международных отношений о «природе человека»: если это константа, то нужно исходить из неё, а не заниматься её детализацией. Барретт уверяет, что это не

¹⁴⁷ Neumann, I. B. Beware of Organicism: The Narrative Self of the State// *Review of International Studies*. - 2004 №30(2). - P. 259–67; Wendt, A. The State as Person in International Relations Theory// *Review of International Studies*. - 2004 №30(2). - P. 289–316.; Wight, C. State Agency: Social Action Without Human Activity?// *Review of International Studies*. - 2004 №30(2). - P. 269–80.; Sasley, B. E. Theorizing States' Emotions// *International Studies Review*. - 2011 №13(3). - P.452–476.

¹⁴⁸ Ekman, P. Are there basic emotions?// *Psychology Review*. - 1992 № 99(3). - P. 550-553.

¹⁴⁹ Barrett. Op. Cit. - P. 328

¹⁵⁰ Bially-Mattern. Op.Cit. - P. 591

так. Даже отдельные эмоции сконструированы обществом, и не могут быть редуцированы до биологических процессов, породивших их. Изучение таких категорий и того, как они конструировались и чем различаются в разных обществах, также имеет ценность в психологии¹⁵¹ и в международных отношениях¹⁵².

Дискуссия об уровнях анализа в изучении роли эмоций в мировой политике остаётся открытой. Однако её развитие основано на способности эмоций выйти за пределы телесности, образуя связь физиологических процессов человеческого мозга с обществом, культурой и историей.

2.3. Проблема причинности эмоций в мировой политике

Изучение эмоций в рамках дисциплины международных отношений, на личностном уровне или в рамках концепции социальной эмоции, было бы бессмысленным, если бы не широко принятое мнение, что эмоции способны побудить к действию. К. Изард, утверждает, что «Человеческое поведение зиждется на эмоциях, они *активизируют* и организуют восприятие, мышление и устремления человека»¹⁵³. Другими словами, эмоции непосредственно связаны с действиями. Взаимодействие процесса познания, эмоции и эмоционального реагирования К. Изард называет аффективно-когнитивным комплексом¹⁵⁴. Однако, в психологии со времён Уильяма Джеймса не было консенсуса по данному вопросу. Сам Уильям Джеймс - известный психолог-функционалист (и философ), основатель первой психологической лаборатории, а также автор известной Теории Джеймса - Ланге, утверждал, что осознанное чувство, которое мы называем эмоцией, появляется не в ответ на внешний стимул, а в качестве осознания уже случившейся физиологической реакции¹⁵⁵. Соответственно, эмоция не может вызывать действие, так как она по своей природе вторична по отношению к телесным изменениям. Современные сторонники такого подхода обращаются к понятию стремления к выполнению действия («action tendency») - то есть готовность тела к действию, которая является результатом аффективной реакции. Будет ли действие совершено зависит от проявления рационального контроля над этой аффективной реакцией, а не от реакции как таковой¹⁵⁶. Вторым аргументом в пользу того, что эмоция не вызывает действие, приводятся последователями психологического конструктивизма, в том числе Лисой Барретт и

¹⁵¹ Barrett. Op. Cit. - P. 337.

¹⁵² Mercer, 2014b. Op.Cit.

¹⁵³ прим. - курсив добавлен автором.

¹⁵⁴ Изард К. Психология эмоций / К. Изард. СПб.: Питер, 2006. 464 с.

¹⁵⁵ James, W. What is an emotion?// Mind. - 1884 №34. - P.190.

¹⁵⁶ Baumeister, R. F., Vohs, K. D., DeWall, C. N., and Zhang, L. How emotion shapes behavior: Feedback, anticipation, and reflection rather than direct causation// Personality and Social Psychology Review. - 2007 №11. - P. 167–203.

Джимом Расселлом. Конструктивисты утверждают, что мнение о причинной связи между эмоцией и действием неверно, так как традиционные показатели наличия универсальных эмоции - действия, осознаваемые чувства, невербальные сигналы - не всегда коррелируют между собой, а значит не могут быть вызваны эмоцией. Пол Экман - один из наиболее ярких представителей теории универсальных эмоций - пишет о том, что они вызывают каскад реакций вне зависимости от нашей способности осознать наличие этих реакций. Такими реакциями могут быть: активность автономной нервной системы, регулирующей физиологические изменения, процессы воспоминания необходимой информации и формирования перспективной оценки, а также интерпретация происходящего¹⁵⁷. По мнению психологических конструктивистов, невозможно проследить связь между эмоциональным восприятием и тем каскадом реакций, о которых пишет Экман. Например, в некоторых случаях, чувство страха приводит к одним реакциям (ощущение страха и физиологические изменения), но не приводит к другим (действия или даже выражение испытываемого страха). Кроме того, страх может быть разным сам по себе - чувство страха в разных контекстах может привести или не привести к реакции. Этот аргумент философ Андреа Скарантино называет неидеальной ассоциацией («imperfect association»)¹⁵⁸. Соответственно, учёные, которым близок такой подход, придерживаются отношения к эмоции, как к возникающему феномену, наличие которого выражается в изменении его индикаторов (различных реакций, ассоциированных с возникшим чувством), а не вызывает это изменение. Считается, что такой подход обладает преимуществом перед традиционным подходом об универсальных эмоциях, так как уделяет должное внимание контекстной гибкости эмоции¹⁵⁹.

Скарантино, однако, утверждает, что оба эти аргумента - о первичности физиологических изменений перед осознанием и аргумент о неидеальной ассоциации, ошибочны. Отвечая на первый аргумент, Скарантино утверждает, что характеристики действия, стремление к которому вызывают эмоции, зависят именно от самой эмоции. Так, в случае реакции на опасность в виде тигра, мы не просто оцениваем его как «плохой стимул», а воспринимаем именно опасность, которая исходит конкретно от этого объекта. Если человек ощущает чувство вины вследствие того, что он был пойман на взятке (так же форма «плохого стимула»), то его реакция будет отличной от той, которую он испытывает при виде тигра. Соответственно, если эмоция - это осознанное чувство, которое появляется уже после готовности тела к действию, то значит готовность не

¹⁵⁷ Ekman, P. and Cordaro, D. What is meant by calling emotions basic// Emotion Review. - 2011 №3. - P. 366.

¹⁵⁸ Scarantino, A. Do Emotions Cause Actions, and If So How? Emotion Review. - 2017 №9(4). - P. 326.

¹⁵⁹ Coan, J. A. and Gonzalez, M. Z. Emotions as emergent variables/ The psychological construction of emotion ed. Barrett, L. F. and Russell J. A./ New York, NY: The Guilford Press, 2015. - P. 213.

зависит от эмоции, а это не так. Ответ Скарантино на аргумент о неидеальной ассоциации состоит из двух частей. Во-первых, теория об универсальных эмоциях, с которой спорят психологические конструктивисты, и так очевидно необоснованна. Теория Экмана построена на том, что семь универсальных эмоций выработались в ходе эволюции в качестве автоматических рефлексов в ответ на определённые повторяющиеся внешние стимулы. Однако, число стимулов, способных вызвать эти семь эмоций, бесчисленно велико, и каждый из них требует адаптации эмоциональной реакции. Основная критика конструктивистов заключается в неверном понимании причинно-следственной связи между эмоцией и действием. Причина увеличивает вероятность того, что следствие наступит, но это не значит, что следствие всё время наступает даже тогда, когда есть причина. Необходимо учитывать, что причина - эмоция - не существует в изоляции от контекста. Действие как эффект от эмоции не обязательно наступает, но эмоция значительно увеличивает вероятность того, что действие наступит.

Сам Скарантино предполагает, что эмоции приводят к действиям посредством трёх механизмов: 1) эмоции вызывают готовность к действию; 2) эмоции есть готовность к действию, и 3) эмоции содержат готовность к действию как часть собственной манифестации. То, какой из этих пунктов наиболее вероятен, зависит от того, какой теории о природе эмоций придерживается учёный, однако любой из них не оставляет сомнения в прямой связи эмоций и действий. Последний аргумент, который Скарантино приводит в своей статье, заключается в том, что эмоции лишь опосредованно связаны с действиями¹⁶⁰. С этой точки зрения, одной эмоции может быть достаточно, чтобы вызвать смех или слёзы, но не комплексное действие, которое требует наличия целого ряда факторов, в том числе «рациональную» оценку, благоприятный для действия контекст и т.д. Этот аргумент имеет особую важность для международных отношений, так как позволяет охарактеризовать эмоцию в качестве лишь одного из многочисленных факторов, которые играют роль в процессе принятия решений. Сам Скарантино отвечает на это утверждение замечанием, что ничто из того, что принято считать причиной определённого поведения, не является его единственной и прямой причиной¹⁶¹. Он подходит к решению данного вопроса с точки зрения философии науки и логики, однако к схожему выводу приходит и специалист в области международных отношений - Бьялли Маттерн¹⁶². Она утверждает, что само наличие связи между эмоциями и познанием, о котором говорилось в первой части главы, решает проблему причинности и позволяет говорить о каузальности между эмоцией и действием. Ссылаясь на того же Мерсера, она

¹⁶⁰ Scarantino. Op. Cit. - P. 332

¹⁶¹ Ibid. - P. 332

¹⁶² Bially Mattern. Op. Cit. - P. 590

пишет, что если все когнитивные процессы, которые обуславливают поведение в мировой политике, - рассуждение, восприятие, вера, идентификация и т.д. - неотделимы от эмоциональной обработки, то вопрос не в том, является ли политический акт эмоциональным (является хотя бы потому, что исходит от человека, как результат мозговой деятельности), а в том, какие эмоции имеют значение в мировой политике¹⁶³. Более основательной, однако, выглядит позиция Мерсера, которая уже освещалась в данной главе. Через концепцию эмоциональных убеждений, которые конструируются и конструируют социальную идентичность, Мерсер показывает не только то, как индивидуальные эмоции становятся групповыми, но и как эмоции инициируют разделение на «я» и «другой» и формирование межгрупповых предрассудков и стереотипов о других нациях и государствах. На основании идеи Мерсера, Карен Фирк теоретизирует ещё один важный компонент взаимосвязи эмоций и действий - намерения. Эмоции лежат в основе внутригрупповых отношений, которые, в свою очередь, способны приписывать намерения членам других групп¹⁶⁴. Изучение связи между взаимным формированием эмоций и намерений выявляет центральную роль культуры, институтов и других социально значимых концепций. Люди выносят оценочные суждения, опираясь на культурные нормы. Так, длительный опыт разделённого страдания культурной общности людей может отразиться или даже занять центральное место в языке и практике их культуры и, таким образом, найти выражение в мире политических действий¹⁶⁵. Пользуясь терминологией Мерсера, эмоциональное убеждение, в том числе относительно намерений членов других групп, способно легитимировать политическое действие. С этой точкой зрения соглашаются Тобиас Шрёдер и коллеги, утверждая, что эмоциональные оценочные суждения отражают общие культурные знания и конституируют намерения, в том числе посредством поведенческого прайминга - автоматического бессознательно выстроенного поведения, в основе которого лежит специфика окружающей среды¹⁶⁶.

Таким образом, проблема причинности эмоций в мировой политике рассматривается под различными углами. Два основных подхода к изучению эмоций, способные поставить под сомнение их роль в инициации действия, - подход, уходящий корнями к теории Уильяма Джеймса о первичности физиологических реакций над осознанием чувства, и подход современных психологических конструктивистов - имеют ряд недостатков. Первый из них не способен объяснить вариативность действий, следующих за физиологическими изменениями. Действия, предпринятые как следствие чувства стыда и

¹⁶³ Ibid. - P. 591

¹⁶⁴ Fierke. Op. Cit. - P. 563.

¹⁶⁵ Fattah and Fierke. Op. Cit. - P. 77.

¹⁶⁶ Schroder et al. Op. Cit. - P. 857.

страха, не были бы различными, если бы не факт осознания этих двух эмоций и последующая дифференциация действий. Этот факт указывает на то, что эмоция способна вызвать действие или, по крайней мере, играет в этом определённую роль. Что касается второго аргумента, то с точки зрения философии науки необходимо определить логику казуальности, используемую по отношению к эмоциям. Так, если придерживаться логики, что А привело к Б, потому что А существенно повысило вероятность появления Б в данном контексте, то утверждение, что эмоции способны вызвать действия, сложно опровергнуть. В ответ на аргумент о недостаточности эмоции для действия, выдвигается контраргумент о том, что в качестве компонента оценки и вынесения решения, эмоция может быть равнозначна другим когнитивным процессам, что отсылает дискуссию к первой части данной главы. Кроме того, эмоция может привести к действию через её непосредственную роли в формировании эмоциональных убеждений, на которых строится групповая идентичность. Действие может также стать результатом реакции на воспринимаемые намерения.

Данная глава посвящена трём основным общетеоретическим дискуссиям относительно (1) роли эмоций в процессе принятия решений, (2) вопросу об уровнях анализа в изучении эмоций в международных отношениях, а также (3) проблеме причинности эмоций, или дискуссии о том, действительно ли эмоции способны инициировать действие, в том числе политические акты. Каждая из этих дискуссий имеет междисциплинарный характер, однако особая роль была отведена данным, полученным на основе сканирования головного мозга и других методах нейронаучных исследований, так как они проливают свет на природу эмоций, подталкивая научное сообщество к существенному пересмотру концепции эмоций. Так, некоторые механизмы активации головного мозга ставят под сомнение существование классических теорий рационального выбора, как идеальной основы для политического решения. Эмоциональное восприятие не только взаимосвязано с когнитивными процессами, но и быстрее более поздних с эволюционной точки зрения процессов познания и не всегда подконтрольно им. Кроме того, эмоции способствуют обучению, формируют предпочтения, оказывают влияние на формирование воспоминаний и процесс воспроизведения в памяти определённых эпизодов. Всё это позволяет говорить об эмоциях не как о помехе в виде «иррациональной силы», а как о неотъемлемой части политического решения. Помимо дискуссий относительно конкретных данных из области нейронаук и психологии, можно сказать, что сойдясь в базовом утверждении о связи эмоциональности и рациональности, специалисты в сфере международных отношений, предлагают различные пути интеграции этой концепции в данную сферу - от политических рекомендаций до концепции

эмоционального убеждения и концепции аффективной интуиции (алиф). К сожалению, очень ограниченное количество исследований в сфере международных отношений базируется на данном утверждении, поэтому сложно выделить конкретные выводы или рекомендации, как следствие такого всеобъемлющего открытия. Далее, влияние эмоций не ограничивается личностным уровнем, а, вероятно, распространяется на уровень группы. Несмотря на неразрешенный спор о том, можно ли чувствовать как государство, или о том, можно ли говорить о государстве как о единой группе людей, а не отдельных индивидах, в рамках данной дискуссии интересно отметить взаимосвязь эмоций и идентичности через концепцию социальных эмоций, предложенную Мерсером. Основным вызовом идеям Мерсера можно считать данные о базовых эмоциях, существование которых, однако, в свою очередь, ставятся под сомнение психологическими конструктивистами. Хотя их теоретизирование приводит к невозможности выделения отдельных эмоций как таковых, разве что в качестве лингвистических категорий. последняя? дискуссия, представленная в данной главе, касается вопроса о том, способны ли эмоции привести к действию, и, в случае утвердительного ответа, посредством каких механизмов это происходит. Основные конкурирующие мнения вновь неизбежно затрагивают вопрос о природе эмоций и о первичности телесного перед чувственным, а также о связи когнитивных процессов с эмоциональными и о влиянии социального контекста, в том числе культуры, на причинно-следственную связь между эмоцией и действием.

Глава 3. Некоторые аспекты влияния эмоций на мирополитические процессы

3.1. Институционализация эмоций

Развивая идеи о связи индивидуального, коллективного и политического, ряд учёных теоретизируют феномен институционализации эмоций. Нета Кроуфорд¹⁶⁷, основываясь на идеи Мерсера о важности социального аспекта эмоций, утверждает, что эмоциональные отношения способны оказывать влияние на социальные институты. Структуры и практики мировой политики - от физических стен, разделяющих народы до военных подразделений и их доктрин, защищающих или оккупирующих определённую территорию, до формальных и неформальных дипломатических связей - выражают и формируют эмоциональные отношения на мировой арене. По причине того, что люди идентифицируют себя с группой и действуют как представители этой группы, а также разделяют и поддерживают коллективные эмоции в рамках этой группы, их доминирующие убеждения и чувства могут быть институционализированы. Под институционализацией эмоций, Кроуфорд понимает процесс, посредством которого эмоции транслируются и воплощаются в легитимные практики, предназначенные для удовлетворения эмоциональных потребностей и организационных целей этой группы¹⁶⁸. Кроуфорд подразумевает, прежде всего, институционализацию эмоций на уровне государства и межгосударственных объединений, которая выражается принятием государственных актов и изменением законодательной системы. Например, в одной из своих работ она рассматривает несовершенную и незавершённую институционализацию эмпатии в концепции «Обязанность защищать» (R2P)¹⁶⁹. Другие специалисты рассматривают вопросы институционализации эмоций также на уровне военных формирований¹⁷⁰, и на уровне блоков стран, объединённых идеологическими мотивами¹⁷¹. Группы и организации воспринимают мир через доминирующие чувства, а затем, члены этих групп, действуя в рамках существующих эмоциональных убеждений, структурируют приобретение и организацию знаний, интерпретируют информацию, рутинизируют

¹⁶⁷ Crawford, 2014. Op. Cit. - P. 546

¹⁶⁸ Ibid. - P. 547

¹⁶⁹ Marlier, G., and Crawford, N. C. Incomplete and Imperfect Institutionalisation of Empathy and Altruism in the 'Responsibility to Protect' Doctrine// Global Responsibility to Protect. - 2013 №5(4). - P. 397-422. см. также основные нормативные документы, в которых выражена доктрина «Обязанность защищать» Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственному суверенитету «Ответственность по защите»: док. ООН A/57/303 [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/57/303>>. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/declarat/outcome2005_ch4.html#t6>

¹⁷⁰ Moro, F. N. Organizing Emotions and Ideology in Collective Armed Mobilization// PS: Political Science & Politics/ Cambridge University Press, 2017 №50(4). - P. 944–947.

¹⁷¹ Koschut, S. No sympathy for the devil: Emotions and the social construction of the democratic peace// Cooperation and Conflict. - 2018 №53(3). - P. 320–338.

процедуры и механизмы принятия решений и формулируют ответы на вызовы. Все эти когнитивные функции, как описывалось в предыдущих главах, осуществляются через процессы эмоциональной рациональности, включая эмоциональное формирование предпочтений, поиск информации, соответствующей убеждениям, эмоционально-обусловленную оценку риска и т.д. Особенность институционализированных эмоций в том, что они могут быть очень устойчивыми, структурируя социальный мир не одного поколения людей.

Примечательно, что Кроуфорд, используя нейронаучные и психологические данные в качестве основы для теоретизирования, а также показывая как коллективные эмоции заключены в политические институты, прослеживает сам процесс институционализации эмоций. В этой связи, она упоминает феномен нейропластичности мозга, который лежит в основе того, что социальные и политические институты одновременно и воплощают и являются источником эмоций¹⁷². Начальная ситуация или контекст (в том числе, существующие в обществе эмоции) приводят к восприятию новой политической ситуации через призму эмоций. Затем, ей даётся оценка, в том числе с учётом чувства страха или эмпатии, которые являются частью первоначального процесса восприятия. Индивидуальная оценка приводит к коллективной дискуссии о потенциальном ответе на сложившуюся ситуацию (политические дебаты, сделки между чиновниками о взаимной поддержке, законодательные инициативы и т.д.), что, в свою очередь, может привести к институциональному ответу (с помощью дипломатических мер, построения союзнических отношений или, например, в виде гонки вооружений) - то есть к таргетированному действию (или ответному действию). Этот механизм создаёт новую ситуацию, в основе которой часто лежат уже укрепившиеся и прошедшие через эмоциональную призму убеждения¹⁷³. Новая ситуация проходит через те же стадии.

Кроуфорд подробно останавливается только на двух эмоциях - страхе и эмпатии (или сочувствии). На личностном уровне, когда человек сталкивается с поведением, вызывающим доверие, уровень окситоцина в головном мозге повышается¹⁷⁴. Чувство эмпатии ведёт к выработке окситоцина, а окситоцин способствует выражению эмпатии, формированию доверия.¹⁷⁵ Люди, у которых был отмечен повышенный уровень эмпатии, не только демонстрируют более просоциальное поведение, но также имеют меньше социальных предрассудков. Более близкое знакомство, например, через доверительные

¹⁷² Crawford. Op. Cit. - P. 543.

¹⁷³ Crawford. Op. Cit. -. - P. 546.

¹⁷⁴ Pfaff. Op. Cit. - P. 107.

¹⁷⁵ Barraza, J. A. and Zak P. J. Empathy Toward Strangers Triggers Oxytocin Release and Subsequent Generosity// Annual Review of the New York Academy of Sciences. - 2009 № 1167. - P. 182–89; Bartz, J. A., Zaki, J., Bolger, N., Hollander, E., Ludwig, N. N., Kolevzon, A. and Ochsner K. N. Oxytocin Selectively Improves Empathic Accuracy// Psychological Science. - 2010 №21(10). - P. 1426–428.

взаимодействия, может способствовать увеличению уровня эмпатии¹⁷⁶. Однако, окситоцин имеет различные эмоциональные последствия в зависимости от того, кто вызвал эмоцию - член своей или чужой группы¹⁷⁷. Когда люди наблюдают за кем-то, кто испытывает видимую боль, но к кому они не питают положительных чувств, интенсивность активации в головном мозге механизмов, ассоциированных с сочувствием, будет ниже¹⁷⁸. Личностный контакт с представителем другой группы может изменить негативные эмоциональные установки и расширить воспринимаемые границы группы также за счёт механизма зеркальных нейронов. Поэтому различные авторы подчёркивают важность межличностной дипломатии¹⁷⁹.

На уровне групп, повышенный уровень сочувствия стимулирует просоциальный активизм¹⁸⁰, а также способен инициировать общественные движения¹⁸¹. По мнению Кроуфорд, сочувствие может быть потенциальным противоядием от индивидуального и узаконенного страха в мировой политике¹⁸². Низкий уровень эмпатии (и доверия) характеризует международную обстановку, наполненную постоянными конфликтами. Ссылаясь на труды Кельмана, который изучал влияние различных уровней эмпатии на процесс переговоров между израильскими и палестинскими дипломатами¹⁸³, Кроуфорд утверждает, что увеличение уровня доверия через повышение взаимной эмпатии, вероятно, характеризует процессы формирования структур глобального управления. Тогда как отсутствие эмпатии может привести к неправильному восприятию и появлению спирали дилеммы безопасности. Расширение торговли, налаживание международной коммуникации и культурного взаимодействия между акторами мировой политики могут привести к сокращению или устранению экономических и политических барьеров и формированию сообществ безопасности, что способно увеличить уровень сочувствия и идентификации. По мнению Кроуфорд, во многом именно эмпатия была институционализирована в Европейском союзе и других плюралистических обществах и

¹⁷⁶ Eisenberg, N. and Eggum, N. D. *Empathic Responding: Sympathy and Personal Distress/The Social Neuroscience of Empathy*, ed. Decety J. and Ickes, W. / Cambridge, MA: MIT Press, 2009. - P. 72

¹⁷⁷ Mathur, V. A., Harada, T. Lipke, T. and Chiao, J. *Neural Basis of Extraordinary Empathy and Altruistic Motivation// Neuroimage*. - 2010 №51. - P. 1468–475; Mercer, 2010. Op.Cit.

¹⁷⁸ Harris, L. T., and Fiske S. T. *Dehumanizing the Lowest of the Low: Neural Responses to Extreme Out-Groups// Psychological Science*. - 2006 №17(10). -P. 847–53.

¹⁷⁹ Holmes, 2013; 2018. Op.Cit.; Crawford, 2014. Op. Cit. - P. 543

¹⁸⁰ Monroe, K. R. *The Heart of Compassion: Portraits of Moral Choice During the Holocaust/ Princeton: Princeton University Press, 2004.*; Monroe, K. R *Ethics in an Age of Terror and Genocide/ Princeton: Princeton University Press, 2012*

¹⁸¹ Keck, M. E., and Sikkink. K. *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics/ Ithaca: Cornell University Press, 1998.*

¹⁸² Crawford. Op. Cit. - P. 536

¹⁸³ Kelman. Op. Cit.

сообществах безопасности¹⁸⁴. Так, например, Североатлантический договор с целью объединения усилий по сохранению безопасности Североатлантического региона был подписан в условиях начинающейся Холодной войны, и чётко выражает чувство эмпатии по отношению к странам, где «свобода, общее наследие и цивилизация своих народов» основаны на «принципах демократии, свободы личности и законности»¹⁸⁵. Кроме того, «развитие эмпатии необходимо для продвижения прав человека, демократии и мира»¹⁸⁶ - расставляя приоритеты таким образом, Кроуфорд на собственном примере иллюстрирует приверженность эмоциям, институционализированным обществом, с которым она себя идентифицирует, что наталкивает на размышления об эмоциональной эпистемологии представителей научного сообщества. Однако, это уже выходит за рамки дискуссии об институционализации эмоций.

Второй эмоцией, об институционализации которой пишет Кроуфорд, является страх. По её мнению, механизм институционализации страха также вписывается в общую схему, приведённую выше. Эмоциональные реакции формируют поведение, которое, в свою очередь, вызывает эмоциональные и поведенческие реакции у других, меняя социальный контекст и формируя внутри- и межгрупповые взаимодействия. Эмоции, такие как страх, могут усиливаться или уменьшаться благодаря социальным сигналам, социальным практикам и организации группового поведения. Отрицательная обратная связь может привести к укоренению эмоциональных убеждений, что, в свою очередь может быть отражено в практиках социальных институтов. Страх может превратиться в самоподдерживающийся климат, почти независимый от его первоначального спускового механизма, который на коллективном уровне трудно изменить даже приведя доказательства того, что угроза уменьшилась. Нарративы об исторической вражде, вреде и агрессии способны ещё более укреплять отношения, основанные на страхе¹⁸⁷.

Кроуфорд утверждает, что успеху фашистского режима в Германии в 30-е гг. прошлого века, а также многих других политических режимов, которые продвигали экспансионистскую внешнюю политику и геноцид, способствовало разжигание и институционализация определённых эмоций: мобилизация страха, ненависти и презрения к «другому» и постоянное подавление межкультурной эмпатии, сострадания и морального самосознания¹⁸⁸. Всё это способствовало рутинизации и нормализации, а также

¹⁸⁴ Deutsch, K., Burrell, S., Kann, R. A., Lee, M. Jr., Lichterman, M., Lindgren, R., Lowenthal, F. and Van Wagenen R. W. *Political Community and the North Atlantic Area*/ Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957.; Adler, E. and Barnett, M. *Security Communities*/ Cambridge: Cambridge, 1998.; Marlier and Crawford. *Op. Cit.*

¹⁸⁵ Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. Доступно по ссылке: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru>

¹⁸⁶ Crawford. *Op. Cit.* - P. 538.

¹⁸⁷ Ibid. - P. 548.

¹⁸⁸ Crawford. *Op. Cit.* - P. 536

законодательному оформлению практик уничтожения миллионов людей (напр. Закон о гражданстве рейха и Закон о защите немецкой крови и немецкой чести от 15 сентября 1935 г.¹⁸⁹). Банальность зла, как пишет Ханна Арендт, и заключается в том, что повсеместная жестокость не исходила от особых «злодеев», а стала ежедневной практикой обыкновенных государственных чиновников, не отличавшихся амбициями или моральным сознанием, а просто выполняющих приказы начальства¹⁹⁰. Описывая разное отношение к еврейскому вопросу в государствах Европы, Арендт подчёркивает важность коллективного действия и противодействия, способного ускорить или замедлить выполнение предписанных законов. Можно предположить, что в этих странах, вследствие различного социального контекста, такие эмоции, как страх, ненависть или сочувствие достигли различного уровня институционализации.

Первоначально страх может быть выражен эмоциональным отношением к объекту, который воспринимается как угроза. Это может повлиять на процесс сбора и оценки информации относительно такого объекта, что уже на этом этапе может отразиться в изменении функций организации: например, создание рабочих групп по решению определённой проблемы. Ранее приводился пример о том, как страх и злость заставляют искать информацию, подтверждающую уже имеющиеся предрассудки, способны активировать селективную эмоциональную память, а также приводить определённые исторические аналогии. Далее, страх может быть «институционализирован» с точки зрения создания физических структур (например, ограждения, стены, убежища), внедрения определённых технологий (например, сканирование багажа в аэропортах), а также разработки упреждающих и превентивных военных доктрин¹⁹¹. Кроуфорд подчёркивает, что такие чувства, как страх и злость, охватывают множество процессов в мировой политике. Она приводит в пример события Холодной Войны, гонку ядерных вооружений, а также непреходящий конфликт между Израилем и Палестиной. Там, где уровень эмпатии низок, общества могут быть вовлечены в циклы антипатии, агрессии и страха, способные поддерживать конфликтный климат. Отсутствие достаточного сочувствия также может уменьшить способность различать оправданный и неоправданный страх¹⁹².

¹⁸⁹ Bayerische Staatsbibliothek - Digitale Bibliothek, Münchener Digitalisierungszentrum/ Полный текст. Закон о гражданстве рейха и Закон о защите немецкой крови и немецкой чести [Нюрнбергские законы, 15 сентября 1935г., и два первых распоряжения к ним, 14 ноября 1935 г. / Баварская государственная библиотека/ БСБ, Мюнхен). Доступно по ссылке: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0007_nue&object=translation&l=ru

¹⁹⁰ Арендт, Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла./пер. Рудницкой Н./ М.: Европа, 2008

¹⁹¹ Crawford, 2014. Op. Cit. - P. 549

¹⁹² Ibid. - P. 555

Важность теоретизирования Кроуфорд нельзя недооценивать. Её аргументация берёт во внимание все три современные общетеоретические дискуссии, о которых было рассказано ранее. Кроме того, идея о институционализации развивает мнение Мерсера об эмоциональном компоненте идентичности, включая их в круг политических процессов в государстве, тем самым подчёркивая всеобъемлющий характер эмоций в международных отношениях. Однако, к сожалению, на данный момент вопрос институционализации эмоций не вызвал серьёзного отклика в научном сообществе, а статья Кроуфорд оставляет несколько спорных моментов.

Так, не совсем оправдан выбор страха и эмпатии в качестве рассматриваемых эмоций, которые могут институционализироваться. Сама Кроуфорд открыто не объясняет свой выбор, однако из приведённого в её статье количества исследований этих двух эмоций, можно сделать вывод, что такие предпочтения основаны на валентности этих эмоций - страх считается частью негативного эмоционального спектра, тогда как эмпатия рассматривается как проявление позитивных человеческих качеств. Такой подход не раз критиковался представителями различных научных дисциплин от психологии¹⁹³ до политических наук¹⁹⁴, а данные нейронаук вообще ставят под сомнение не только целесообразность разделения эмоций на позитивные и негативные, но и возможность выявить какие бы ни было статистически значимые показатели, отличающие конкретные эмоции с точки зрения мозговой активности (например, отделить злость от ненависти или даже страха)¹⁹⁵. Стоит подчеркнуть, что не существует единой точки зрения о том, насколько продуктивно такое разделение, однако важно учитывать, что последствия эмоций бывают позитивные и негативные с этической точки зрения (которая, конечно, тоже до определённой степени спорна). Сама Кроуфорд неоднократно упоминает влияние фактора стресса, злости и ненависти, говоря об институционализации страха¹⁹⁶. Вопрос определения понятия эмоции и того, какие эмоции наиболее релевантны в политике (если вообще возможно выделить конкретные эмоции) должен играть первостепенную роль в теоретическом осмыслении институционализации эмоций. Дискуссия о валентности, в том числе о возможности разделения эмоций на позитивные и негативные, также связана с предложенным Кроуфорд утверждением о том, что эмпатия помогает понять, когда права других людей были нарушены. Идентификация с социальной общностью, которая воспринимается как более способная к эмпатии может стать моральным оправданием для любого рода интервенции в дела другой общности, воспринимаемой менее

¹⁹³ См. также Lerner and Keltner. Op. Cit., где авторы обращаются к таким категориям, доказывая их несостоятельность.

¹⁹⁴ McDermott, 2014. Op.Cit. - P. 557–62

¹⁹⁵ Barrett. Op.Cit.

¹⁹⁶ Crowford. Op.Cit. - P. 536, 548, 553, 540

«цивилизованной» - то есть той, которая не пришла к институционализации «положительных» эмоций. Тем более что сама Кроуфорд упоминает понятие «эмпатической достоверности» («empathic accuracy»)¹⁹⁷, которое заключается в том, что у многих людей, испытывающих сочувствие, появляется ложное чувство, что они хорошо понимают ситуацию объекта эмпатии. Далее, не всегда очевидно, как могут отразиться некоторые данные из социальной психологии коллективного страха или эмпатии, которые приводит Кроуфорд. Так, было бы интересно исследовать вопрос, релевантен ли эффект постороннего или синдром обвинения жертвы, которые приводит Кроуфорд в качестве межгрупповых предрассудков, на международной арене. Открытым остаётся также вопрос о том, можно ли обобщить позитивную корреляцию уровня самопознания и способности к осознанию чувств других с индивидуального на групповой и межгосударственный уровень. Однако, наиболее обоснованно выглядит критика реалистов и неореалистов, с которой в данном случае вынужден согласиться и Эндрю Линклейтер. В своей рецензии на книгу Кроуфорд «Argument and Change in World Politics. Ethics, Decolonization and Humanitarian Intervention», где Кроуфорд подчёркивает роль эмпатии в формировании новой морали, приведшей, в конечном итоге, к деколонизации, Линклейтер справедливо замечает, что некоторые важные вопросы, например, в какой степени материальные условия (и экономические выгоды - прим. автора) влияют на то, как этические идеи формируют общественную и политическую жизнь. - остаются без ответа.¹⁹⁸

Другой интересный аспект теоретизации институционализированных эмоций предлагает Саймон Кошут¹⁹⁹. Подробно не останавливаясь на механизмах институционализации эмоций, Кошут рассматривает либеральную интерсубъективность демократических стран, которая основана не только на общих моральных установках и схожем когнитивном восприятии, но также, в значительной степени, обусловлена разделяемым эмоциональным спектром. Либеральная интерсубъективность выражена в том, как либеральные субъекты выбирают или создают смысловые поля и интерпретации, которые помогают им выстраивать и поддерживать взаимные позиции, а также позволяют конструировать категории «мы» и «они»²⁰⁰. Интересно утверждение Кошута о том, что существованием созданной посредством эмоций либеральной интерсубъективности можно объяснить не только феномен демократического мира, но также и социальное конструирование «нелибералов» в качестве врагов. Другими словами, демократический

¹⁹⁷ Ibid. - P. 541.

¹⁹⁸ Linklater, A. Comptes rendus. Théories, méthode et idées/ Argument and Change in World Politics. Ethics, Decolonization and Humanitarian Intervention by Crawford, N. // Sécurité et identité nationale. - 2004 № 35 (1). - P. 173.

¹⁹⁹ Koschut. Op. Cit.

²⁰⁰ Ibid. - P. 321.

мир создаётся не только когнитивными знаниями о «нас» и «них», но в то же время подкрепляется соответствующими эмоциями: сочувствия к «нам» и гневом по отношению к «ним». Либералы не только придают смысл эмоциям, которые они разделяют, но и связывают эмоции с моральным смыслом, чтобы ориентировать других либералов на ценности и убеждения, которые для них важны²⁰¹. Соответственно, можно говорить о существовании некой модели внутригрупповой эмоциональной привязанности к ключевым ценностям и убеждениям, которая, институционализируясь, поддерживает самоидентификацию сообщества.

Одновременно с этим, происходит другой процесс - процесс защиты и продвижения либеральных норм в противовес социально сконструированным «агрессивным недемократическим государствам»²⁰², который подразумевает сильный эмоциональный элемент презрения и враждебности по отношению к этим государствам. Чем больше либеральные субъекты придают эмоциональное значение социально сконструированным либеральным нормам как части своего «образа жизни», тем с большей силой они отвергают нормы нелиберальных «других». Ярким примером может быть фраза президента Эстонии Керсти Кальюлайд, произнесённая в одном из интервью в 2018 году: «В-третьих, как сказала Яна Тоом, ни один русский, живущий здесь (прим. - в Эстонии), не хотел бы проснуться в Российской Федерации. Носители эстонского языка очень ценят демократические свободы, они знают, что могут вслух сказать, что не думают, что с крымской ситуацией что-то не так, и что их за это не посадят»²⁰³. В этой фразе либеральные ценности жёстко противопоставляются политике и ценностям, воспринимаемым как «нелиберальные», что форсирует сконструированную угрозу. Поэтому эмоциональные значения могут использоваться для оправдания исключения нелибералов с позиций власти и ответственности. Кошут не приводит подробных примеров, однако указывает, что подобные теоретические заключения способны пролить свет на роль эмоций в политических изменениях, в особенности учитывая современный рост популистских и шовинистских движений и политических партий в западных либеральных демократиях и в других частях мира.

В заключение, стоит отметить, что немногочисленные примеры теоретизирования процесса институционализации эмоций приводят к выводу о том, что эмоции и эмоциональные отношения являются важными составляющими мировой политической

²⁰¹ Ibid. - P. 330.

²⁰² Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - P. 226-227.

²⁰³ Kaljulaid, K. «BIG INTERVIEW: Kersti Kaljulaid: A small country has only one natural resource – between our ears» Interview by Tambur, S.// *Estonian world*, 2018. Available at: <<https://estonianworld.com/life/big-interview-kersti-kaljulaid-small-country-one-natural-resource-ears/>>

динамики. Понимание интегрированности эмоций в нормативное поле государства через понятие коллектива и идентичности способно пролить свет на неизбежно политические проблемы дискриминации, политики силы, сдерживания, на вопросы международных и внутригосударственных конфликтов. Вероятно, изучение эмоций как конституирующего элемента государственных норм способно также привести к теоретическому пониманию механизмов социального строительства демократического мира.

3.2. Роль эмоций в появлении национализма и этнических конфликтов

Ещё одной областью, где элемент эмоциональности не только влияет на принятие решений, но и способен привести к жестоким конфликтам, являются исследования природы национализма и межэтнических конфликтов. Ещё Генри Тэджфил, классик социальной психологии и автор Теории Социальной Идентичности, считал, что ограниченные материальные ресурсы не являются необходимыми условиями для межгрупповой дискриминации²⁰⁴. Другими словами, игра с нулевой суммой не имеет решающего значения для зарождения дискриминации. На основе теории Тэджфела, было проведено множество исследований в рамках психологии²⁰⁵ и международных отношений, где большую популярность приобрёл, например, труд Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества»²⁰⁶. Андерсон рассматривает появление национальных государств в Европе в исторической перспективе, связывая проблему национализма с развитием книгопечатания и распространением национальных языков, а также с использованием символов и мифов. Эмоции, выраженные СМИ, не раз становились объектом исследований. С. Виноградова и Т. Шалденкова отмечают, что пресса может неумышленно «подогревать» различные формы национализма. Например, на основе анализа статей популярных петербургских газет, Виноградова и Шалденкова утверждают, что практически все материалы «Санкт-Петербургской газеты» за 1999 г., содержащие упоминание Дагестана, посвящены военному конфликту в регионе²⁰⁷. Характерно не только то, что все эти материалы подчёркивали разделение людей на категории «Мы» и «Они», но и сам выбор контента для обозревания, формирующий антагонистические

²⁰⁴ Tajfel, H. *Human groups and social categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

²⁰⁵ См., например, Mummendey, A., & Wenzel, M. *Social discrimination and tolerance in intergroup relations: Reactions to intergroup difference*// *Personality and Social Psychology Review*. - 1999 №3, P. 158–174; Leyens, J. , Cortes, B. , Demoulin, S. , Dovidio, J. F., Fiske, S. T., Gaunt, R. , Paladino, M. , Rodriguez-Perez, A. , Rodriguez-Torres, R. and Vaes, J. *Emotional prejudice, essentialism, and nationalism The 2002 Tajfel lecture*// *European Journal of Social Psychology*. - 2003 №33. - P. 703-717

²⁰⁶ Андерсон, Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001 г.

²⁰⁷ Vinogradova, S. and Shaldenkova, T. *Ethnic diversity and cultural clash in Saint Petersburg Press // The Dialogue of Cultural traditions: Global Perspective/ Cultural Heritage and Contemporary Change I. Culture and Values №39 ed. Sweet W / Washington, 2008. - P. 207*

ассоциации. В рамках дискуссий об эмоциях, стоит вернуться к теоретическим истокам такой категоризации - к Теории Социальной Идентичности.

Идентификация с группой по своей природе не обязательно является негативным явлением. С точки зрения эволюционной психологии, социализация в рамках группы являлась первостепенной необходимостью для предков человека²⁰⁸. Кроме того, учёные указывают на различие между внутригрупповым фаворитизмом - тенденцией позитивно оценивать членов своей группы, и негативной оценкой представителей другой группы, при котором первое чувство гораздо сильнее последнего²⁰⁹. Групповой фаворитизм, вероятно, лежит в основе патриотизма - гордости за свою страну, тогда как национализм имеет элемент ненависти по отношению к другим группам. Леенс и коллеги показали, что люди более склонны приписывать сложные эмоции (например, любовь, надежда, презрение, обида), которые считаются уникальными для человеческого вида, членам своей группы, чем членам внешних групп. Одновременно с этим, они менее склонны к кооперативному поведению по отношению к членам внешней группы²¹⁰. Они назвали это феномен интра-гуманизацией (intra-humanization), или атрибуцией меньшего количества человеческих черт членам других групп, нежели чем членам своей. Однако, они также указывают на то, что идентификация с определённой группой - не единственный фактор, ответственный за появление интра-гуманизации. Некоторые исследователи приходят к выводу о том, что национализм, как и расизм, возникает как некий способ защиты внутренней группы от потенциальной угрозы²¹¹, даже если на самом деле угроза не реальна. С точки зрения межгрупповой идентификации, во многом обостряющейся на фоне воспринимаемой угрозы, интересна речь Лузи Штамма, члена Парламента Швейцарии от Швейцарской народной партии, инициативы которой стремительно набирают популярность в стране. Он противопоставляет швейцарскую самостоятельность в принятии анти-иммиграционных законов не только воспринимаемой угрозе, исходящей от самих иммигрантов, но также и миграционной политике ЕС, которую он называет ошибочной²¹². Стоит отметить, что инициативы консервативной Швейцарской народной партии, во многом основанные на воспринимаемой угрозе, были «институционализированы» на основе результатов референдумов²¹³, и на данный момент

²⁰⁸ Leyens et al. Op. Cit. - P. 704.

²⁰⁹ Mummendey et al. Op. Cit..

²¹⁰ Leyens et al. Op. Cit. - P. 710.

²¹¹ Sears, D. O. Symbolic racism/ Eliminating racism: Profiles in Controversy ed. Katz, P. A. and . Taylor, D. A / New York: Plenum, 1988.

²¹² Stamm, L. Mistakes of Brussels breed radicals across Europe - Luzi Stamm, Swiss' People's Party VP. Interview by SophieCo, 2014. Available at: <<https://www.rt.com/shows/sophieco/switzerland-referendum-curb-immigration-381/>>

²¹³ Federal Chancellery of Switzerland (FCh). Volksabstimmung vom 29. November 2009 Erläuterungen des Bundesrates, 2009. Available at:

закреплены в Конституции Швейцарии (см. статьи 121 и 197, а также статью 72(3) о запрещении строительства минаретов на территории Швейцарии)²¹⁴.

Наличие воспринимаемой угрозы также является характерной чертой конфликта, в основе которого лежат межэтнические различия. Наряду с национализмом, связывающих субъект с национальным государством, идентификация на основе этнической принадлежности также является особо сильным фактором формирования групповой идентичности, как следствие реальных или воспринимаемых различий между представителями этнических групп (например, культурные особенности, история, язык, происхождение, часто особенности внешности, религия, мифы о происхождении и ценности, формировавшиеся на протяжении веков).

Исследования межэтнического конфликта можно, обобщая, разделить на две группы: неореалистические теории, представляющие собой модели рационального выбора, и теории, делающие акцент на культурологических и психологических аспектах. Теории в рамках политического реализма, как правило, подчёркивают материальные и системные элементы конфликта. Странники этого подхода, среди прочего, изучают роль возможности сторон к финансированию конфликта, способность государства или оппозиционных групп подавить конфликт, вопросы, связанные с географией конфликта (например, «ресурсное проклятье»), стабильность политических институтов, а также демографические особенности общества и т.д. Некоторые из таких теорий анализируют роль элит, а также структурные инструментальные возможностей системы, которые позволяют совершать массовые убийства расистским и националистским режимам²¹⁵. «Этническая дилемма безопасности» Барри Позена предлагает более структурное объяснение этнического конфликта. При наличии кризиса государственного управления, а также в условиях ограниченной информации и недостаточного доверия, противоборствующие группы принимают оборонительные меры безопасности, предпринятые другой группой для защиты себя в «возникающей анархии», за наступательные меры²¹⁶. Другой пример объяснения этнической жестокости в рамках парадигмы рационального выбора заключается в том, что представители политических элит совершают стратегические расчёты в отношении этнического меньшинства, в том

<https://www.web.statistik.zh.ch/cms_abstimmungsarchiv/pdf/20091129_Bundesrat.pdf>; Federal Chancellery of Switzerland (FCh). Volksabstimmung vom 9. Februar 2014 Erläuterungen des Bundesrates [online]. 6.10.2013. [https://www.bk.admin.ch/dam/bk/de/dokumente/Abstimmungsbauechlein/erlaeuterungen_desbundesrates09022014.pdf](https://www.bk.admin.ch/dam/bk/de/dokumente/Abstimmungsbauechlein/erlaeuterungen_desbundesrates09022014.pdf.download.pdf/erlaeuterungen_desbundesrates09022014.pdf)

²¹⁴ Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft. vom 18. April 1999 (Stand am 23. September 2018). Available at: <<https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/201809230000/101.pdf>>

²¹⁵ Valentino, B. A. Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the Twentieth/ N.Y.: Cornell University Press, 2004. - P. 184.

²¹⁶ Posen, B.R. The Security Dilemma and Ethnic Conflict// Survival. - 1993 №35(1). - P. 27.

числе способны и на чрезвычайные действия, такие как этническое насилие ради сохранения своей позиции в правительственной иерархии²¹⁷.

Сторонники необходимости изучения роли эмоций указывают на важность межгруппового восприятия, уровня коллективной тревоги и обиды, этнические предрассудки, страхи и формирование нарративов ненависти. Представители этой группы теорий - как их называет Омар Макдум - «аффективных» теорий²¹⁸, подчёркивают значимость эмоционального компонента этнического конфликта перед материальным. Для Дональда Горовица в основе этнического конфликта лежит эмоциональное состояние тревоги вызванный восприятием или действием «другого». Однако, угроза, вызывающая чувство тревоги у Горовица не экзистенциальна. Она может быть связана с культурной самобытностью группы, её демографическим выживанием или самооценкой. Соответственно, этнический конфликт является результатом тревоги за статус одной группы по отношению к другой вследствие угрозы²¹⁹. Теория «символической политики» («symbolic politics») сочетает в себе эмоциональные и материалистические факторы. Стюарт Кауфман выдвигает три предпосылки для этнической войны: (1) символы и мифы, оправдывающие враждебность по отношению к этнической группе; (2) возможность политической мобилизации против группы; и (3) страхи, связанные с другой этнической группой²²⁰. Кауфман, как и Марк Росс²²¹, считают, что именно эмоции и культурные нарративы, а не рациональные расчёты способны инициировать этнически-мотивированную жестокость. Кроме того, Росс подчёркивает важность исторической памяти, и эмоций, таких как чувство униженного и оскорблённого достоинства или отрицание сложившейся ситуации.

Интересно, что само наличие эмоций в межэтнических конфликтах, не отрицается представителями обеих групп. Материалистические теории часто признают, что страх играет определённую роль, и что эмоция может быть вызвана организацией структуры, например, структурным дисбалансом или дискриминационными практиками. Основным различием между группами теорий является та роль, которую эмоция играет в конфликте. Так, например, страх рационализируется неореалистами, превращаясь лишь в источник информации для принятия решения (см. Главу 2 о дискуссии о роли эмоций в качестве

²¹⁷ de Figueiredo, R. and Weingast, B. The Rationality of Fear: Political Opportunism and Ethnic Conflict/ Civil Wars, Insecurity, and Intervention, ed. Walter, B. and Snyder, J./ New York: Columbia University Press, 1999. - P. 261.

²¹⁸ McDoom. Op. Cit. - P. 125

²¹⁹ Horowitz, D. L. Ethnic Groups in Conflict/ Berkeley: University of California Press, 2000. - P. 179

²²⁰ Kaufman, S. J. Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War/ Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. - P. 31

²²¹ Ross, M. H. Cultural Contestation in Ethnic Conflict/ Cambridge: Cambridge University Press, 2007. - P. 42-43.

источника информации). Кроме того, страх часто представляют в качестве побочного продукта структурных изменений системы - по Позену страх является последствием возникшей анархии в многонациональном государстве. Для Кауфмана, этнические страхи являются не только необходимой предпосылкой конфликта, но также и сопутствующим элементом, так как политические элиты способны спровоцировать и увеличить силу страха. Возвращаясь к вопросу об угрозе, как о факторе формирования идентичности, стоит отметить, что обе стороны дискуссии не отрицают её влияния, однако определяют саму угрозу по-разному. Для реалистов важна угроза благосостоянию, власти, влиянию или безопасности, их оппоненты говорят об угрозе ценностям, установкам, верованиям, статусу и т.д.²²² Кроме того, наличие угрозы или воспринимаемой угрозы способно усилить межгрупповые предрассудки через лингвистический акт социальной категоризации²²³.

Помимо вышеперечисленных конкретных особенностей различных позиций об основных причинах этнических конфликтов, Макдум также предлагает более обширную систематизацию, связанную с дихотомией эмоциональности и рациональности²²⁴. Многие теоретики эмоций подчёркивают роль идентичности, лояльности, символов и мифов, тогда как сторонники моделей рационального выбора указывают на интересы, стратегию, расчёт и манипуляции элиты как основные факторы разжигания конфликта, где эмоции играют второстепенную роль, или, как упоминалось ранее, чрезмерно рационализированы. Руководствуясь анализом дискуссии о взаимозависимости эмоций и рациональности, приведённой в Главе 2 данной работы, и принимая во внимание данные о том, что на нейрофизиологическом уровне почти каждый когнитивный процесс также подвергается эмоциональной обработке, стоит вновь отметить ложность этой дихотомии. Макдум не обращается напрямую к нейронаучным данным, однако подчёркивает, что рациональность и эмоции совместимы и должны рассматриваться вместе при анализе причин этнических конфликтов²²⁵. Он также выявляет основные проблемы при исследовании эмоций в данной области.

Во-первых, отсутствие уверенности в причинно-следственной связи эмоций и межгрупповых конфликтов: является ли эмоция причиной или последствием конфликта? Во-вторых, остаётся неизученным вопрос о том, как групповые эмоции способны изменяться с течением времени с точки зрения интенсивности чувства и масштаба

²²² Riek, B. M., Mania, E. W. and Gaertner, S. L. Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: A Meta-Analytic Review// *Personality and Social Psychology Review*. - 2006 №10(4). - P. 336-353.

²²³ Maass, A., Ceccarelli, R. and Rudin, S. Linguistic Intergroup Bias// *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1996 №71(3). - P. 512-526.

²²⁴ McDoom. *Op. Cit.* - P. 121

²²⁵ *Ibid.* - P. 121.

действия. Кроме того, приверженность многих учёных макро-анализу может скрыть вариативность эмоций, испытываемых членами группы. То есть, исследование роли эмоций в этнических конфликтах, прежде всего, зависит от исхода общетеоретических дискуссий, приведённых в Главе 2. Наконец, Макдум утверждает, что повышенное внимание к изучению действий политических элит во время конфликта может привести к недооценке роли массового поведения граждан в межгрупповых конфликтах²²⁶. Этот пункт созвучен с теорией лидерства, предложенной последователями Теории Социальной Идентичности, по которой люди оценивают лидеров по тому, насколько те вписываются в принятые в данном обществе схемы лидерства. Так, неэффективные лидеры могут пользоваться поддержкой населения потому, что они наиболее типичны как представители данного общества. С точки зрения изучения этнических конфликтов это может быть важно потому, что противостоит точке зрения о том, что политические элиты манипулируют мнением народа, так как политические элиты, часто, очень репрезентативны: они также являются частью этого народа²²⁷. Макдум утверждает, что прогресс в изучении роли эмоций в этнических конфликтах невозможен без обращения к этим недостаткам. Он предлагает отказаться от дихотомии эмоций и рациональности, критически относиться к восприятию этнических групп в качестве неделимого целого.

Проведя собственное исследование на микро-уровне в нескольких населённых пунктах в Руанде, Макдум приходит к четырём заключениям, имеющим значимость для исследователей этнических конфликтов, каждый из которых напрямую связан с эмоциональными процессами. (1) Во-первых, с ростом воспринимаемой угрозы от представителей другой этнической группы, характерные черты групповой идентичности, которые отличают внутреннюю группу от внешней, приобретают большую значимость. Это называется механизм «активации границы» («boundary activation»). Угроза в обществе все чаще создаётся или рационализируется как часть конфликта между двумя легко идентифицируемыми социальными группами, такими как группы, определяемые по этническому, религиозному или расовому признакам. (2) Второй механизм - «негативные чувства к представителям внешней группы» («outgroup negativity») заключается в том, что чем больше воспринимаемая угроза, тем больше представители одной группы склонны к негативным проявлениям эмоций. Угроза также может искусственно создаваться на фоне негативных убеждениями, связанных с культурными различиями или историческими событиями - мифами или повествованиями, которые существуют внутри группы о

²²⁶ Ibid. - P.121

²²⁷ Hogg, M.A. A social identity theory of leadership/ Personality and Social Psychology Review. - 2001 №5. - P. 184-200.; Hogg, M.A. and van Knippenberg, D. Social identity and leadership processes in groups/ Advances in Experimental Social Psychology ed. Zanna, M.P vol.35/ San Diego: Academic Press, 2003.

внешней группе. Как упоминалось ранее, угроза играет роль в формировании националистических чувств. (3) Механизм «гомогенизации представителей внешней группы» («outgroup homogenization»): чем больше воспринимаемая угроза, тем больше члены группы деиндивидуализируют членов внешней группы, и эти чувства распространяются на всех членов группы вне зависимости от статуса и принадлежности к военным структурам. Этот феномен созвучен с предложенным Леенсом и коллегами механизме интра-гуманизации. (4) «Солидарность с членами собственной группы» («ingroup solidarity») выражается в том, что при росте воспринимаемой угрозы, усиливается спрос на внутригрупповую лояльность и также её контроль со стороны членов внутри группы. Противодействие внешней угрозе видится как проверка лояльности и поощряется.

Макдум, однако, замечает, что эти четыре механизма ведут к поляризации отношений, но не обязательно ведут к жестокому поведению по отношению к членам внешней группы. Таким образом, он отмечает, что поляризацию и насилие следует рассматривать как аналитически различимые компоненты этнического конфликта, которые имеют различные источники²²⁸. По его мнению, фламандцы и валлонцы поляризованы в Бельгии, но конфликт не является насильственным, потому что существуют сильные политические институты, которые способствуют выражению поляризованных взглядов. Боснийцы и сербы остаются поляризованными в Боснии и Герцеговине после Дейтонских соглашений, но насилие сдерживается присутствием международных сил и существованием эффективной гражданской администрации. Однако, механизмы групповой поляризации заметны на примере высказываний и интервью, например, ультраправых политиков в современной Европе. Так, высказывания лидера партии «Альтернатива для Германии» Фрауке Петри о том, что «Иммиграция мусульман поменяет нашу культуру», что «Ислам угрожает нам», «Национализм и патриотизм - это не одно и то же» сочетают в себе все четыре приведённые механизма, подчёркивая различие между «нами» и «другими», и негативное отношение к «другим», гомогенизируя всех мусульман, а также утверждая о солидарности перед лицом воспринимаемой опасности²²⁹.

Выделяя групповую поляризацию и жестокость поведения в отдельные категории, Макдум предлагает компромисс между неореалистическими теориями межэтнического конфликта и конструктивистскими подходами, оставляя за эмоциями и отношениями место, столь же важное, как и материальные структуры, институты, вопросы географии и

²²⁸ McDoom. Op. Cit.. - P.121

²²⁹ Petri, F. The Immigration of Muslims Will Change Our Culture. Interview by Beyer, S. and Fleischhauer, J. Spiegel online. Available at: <<https://www.spiegel.de/international/germany/interview-with-frauke-petry-of-the-alternative-for-germany-a-1084493.html>>

демографические характеристики. Однако, к сожалению, он не теоретизирует связь между групповой поляризацией и жестокостью, лишь подчёркивая необходимость тестирования психологических категорий и моделей в естественных условиях. На макро-уровне даже понимание угрозы, которое лежит в основе всех четырёх механизмов групповой поляризации, может отличаться. Вывод учёного сходен с приведёнными ранее замечаниями Макдермотт о том, что междисциплинарное заимствование, к сожалению, часто происходит лишь в одностороннем порядке.

Таким образом, в научной среде на данный момент пока не установлен консенсус о том, какие факторы с большей вероятностью способны привести к этническим конфликтам. Представляется вероятным, что такой консенсус был бы контрпродуктивным и привёл бы к сознательному исключению множества эмоционально-обусловленных процессов, которые представляют собой значительную силу, способную мотивировать и ожесточать действие, особенно там, где эмоции подкреплены дискриминирующими властными структурами. Однако, исследования показывают, что имеет смысл разграничить оценочный компонент конфликта - групповую поляризацию, и поведенческий компонент - жестокое поведение. При этом в основе жестокого поведения лежит поляризация, поэтому роль эмоций в межэтнических конфликтах нельзя недооценивать. Взаимозависимость этих двух компонентов требует большего внимания научного сообщества, в особенности в качестве объекта кросс-дисциплинарных исследований. Если коллективные травмы, глубокие страхи или скрытая враждебность могут привести к конфликту, то политика, направленная на устранение несправедливости, содействие межгрупповому сотрудничеству и информирование каждой группы о другой, может быть более эффективной в предотвращении этнических конфликтов, чем считалось ранее.

3.3. Эмоциональная регуляция

Роль эмоций в формировании идентичностей, укреплении воспринимаемой разницы между представителями внутренней и внешней групп, в особенности если такие различия легко идентифицируемы, а также в качестве сильной мотивации к действию, подводит как представителей научного мира, так и политиков, в вопросу о возможности эмоционального регулирования. Не случайно влияние политических элит на мобилизацию коллективных общностей посредством использования эмоциональных нарративов исследовалось представителями разных парадигм теории международных отношений²³⁰. Оно определяет характер взаимодействия внутри государств, то есть между политиками и

²³⁰ См. Valentino. Op. Cit.; Kaufman. Op. Cit.

избирателями, между политиками и организованными группами, между политиками и другими субъектами политики. Это влияет на массовое политическое поведение, деятельность заинтересованных групп и государственную стратегию в целом. Успешное эмоциональное регулирование также оказывает влияние на взаимодействие между государствами.

Одна из современных дискуссий о роли эмоций в мировой политике посвящена выявлению и систематизации стратегий, используемых политиками и направленных на то, как изменить эмоции людей. Как пишет А.А. Ворошилова, категория манипуляция сознанием была введена в оборот в научной сфере в 40-50-х гг. прошлого века, но по понятным причинам оставалась прерогативой западных исследователей²³¹. В 90-х годах был отмечен всплеск исследований в данной области на русском языке, самими обширными из которых являются труды Е. Л. Доценко²³², С. Г. Кара-Мурзы²³³, и Г. Грачёва и И. Мельника²³⁴. Учёные по разному определяют манипуляцию, однако их точки зрения неизменно объединяет отношение к манипуляции, как к общественному злу, основанному на обмане, хитрости и махинациях. Нужно с осторожностью изучать вопросы, связанные с «манипуляцией» эмоциями, ведь политические лидеры также являются частью общества, и с той же силой подвержены эмоциональному восприятию и оценке ситуации. Вероятно, многие политические заявления эмоционально насыщены не вследствие умысла, а как результат «природы человека», а точнее - устройства человеческого мозга, тесной взаимозависимости когнитивных и эмоциональных процессов. Необходимо также учитывать культурный и социо-политический контекст, в котором происходит работа с эмоциями. В данной работе сознательно будет дано предпочтение понятию «эмоциональная регуляция»²³⁵, так как оно подразумевает не только влияние на эмоции других, но и регулирование и изменение собственных эмоций, устраняя искусственное разделение между «рациональными» коварными политическими элитами и «иррациональными» общественными массами.

Вопросам эмоциональной регуляции посвящены труды американского психолога Джеймса Гросса²³⁶, который определяет регуляцию эмоций как попытку влиять на то,

²³¹ Ворошилова, А. А. Манипуляция сознанием как объект социально-политического исследования// Вестник государственного аэрокосмического университета им М.Ф. Решетнева. - 2006. - Р. 297

²³² Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита/ М.: ЧеРо, 1997. — 344 с.

²³³ Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием/ М: Алгоритм, 2004. - 528 с.

²³⁴ Грачёв, Г. В.б и Мельник, И. К. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия/ М: Алгоритм, 1999. - 236 с.

²³⁵ Gross, J. J. The Emerging Field of Emotion Regulation: An Integrative Review.// Review of General Psychology, 1998.

²³⁶ Gross, 1998. Op. Cit.; Gross, J. J. Emotion Regulation: Affective, Cognitive, and Social Consequences// Psychophysiology, 2002 № 39. - P. 281-291; Gross, J. J., Sheppes, G. & Urry, H. L. Emotion Generation and Emotion Regulation: A Distinction We Should Make (Carefully)// Cognition and Emotion, 2011 № 25. - P.

какие эмоции испытывают люди, в какой контексте они их испытывают, как они выражают эти эмоции²³⁷. Способность регулировать эмоции в политической системе включает как количественные, так и качественные измерения. Первое относится к попыткам увеличить (усилить) или уменьшить (подавить) определённую эмоцию, такую как страх или гнев; последнее - к попыткам изменить тип эмоции (например, тревога в гнев).

Гросс предлагает модель эмоциональной регуляции в политической жизни, состоящую из четырёх основных компонентов: (1) *Выбор ситуации* определяется как попытка изменить воспринимаемую политическую ситуацию, с которой сталкиваются представители общественности, чтобы увеличить или уменьшить вероятность возникновения определённых чувств с помощью управления эмоциями, вниманием и доступом к информации. Например, ограничение публичного доступа к сайтам, людям или информации, связанной с целями или инструментами политики. В дополнение к модели Гросс, ряд учёных показали, как Выбор ситуации осуществляется путём стратегического использования эмоций: угрозы вызывают негативные эмоции, такие как гнев и возмущение, а обвинения помогают сконструировать конкретный объект, на который эти эмоции могут быть направлены²³⁸. В области международных отношений примечательна работа Петерсена²³⁹, который проанализировал стратегическое использование эмоций политическими деятелями, которое имело своей целью легитимацию западного вмешательства на Балканах.

(2) *Изменение ситуации* относится к усилиям эмоциональных предпринимателей, направленных на изменение видимых особенностей политической ситуации, чтобы изменить её эмоциональное воздействие. Например, даты проведения выборов могут быть передвинуты на период делового цикла, связанный с видимым экономическим ростом²⁴⁰.

(3) *Преднамеренное развёртывание* относится к попыткам изменить направление внимания к политическому кандидату или реализуемой политике уже после возникновения эмоциональной реакции, чтобы изменить её эмоциональное воздействие. Эта деятельность осуществляется в первую очередь с помощью когнитивных средств, особенно отвлечения внимания от эмоциональных аспектов личностных качеств политического кандидата, принципов и политических позиций или политических целей, инструментов политики и целевых групп населения. Отвлечение достигается, главным

765-781.; Maor, M., Gross, J. Emotion Regulation by Emotional Entrepreneurs: Implications for Political Science and International Relations// Journal of Political Marketing. - 2015 № 2. - P. 77-100.

²³⁷ Gross, 1998. Op. Cit. - P. 275.

²³⁸ Vanderford, M. L. Vilification and Social Movements: A Case Study of Pro-Life and Pro-Choice Rhetoric// Quarterly Journal of Speech. - 1989 № 75. - P. 166-182.

²³⁹ Petersen. Op.Cit.

²⁴⁰ Maor and Gross.Op. Cit. - P. 9.

образом, путём создания независимого нейтрального мысленного контента²⁴¹. К примеру, решение израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху обменять израильского солдата Гилада Шалита в обмен на 1027 террористов ХАМАС в разгар социальных волнений среди среднего класса Израиля в 2011 году с целью уменьшить общественное недовольство, может считаться отвлечением²⁴². Другим примером, по мнению ряда экспертов, может считаться так называемый инцидент в Солсбери, или «Дело Скрипалей», произошедший 4 марта 2018 года, так как он способен отвлечь от целого ряда внутриполитических вопросов, обострившихся во время премьерства Терезы Мэй²⁴³.

(4) Использование механизма *когнитивных изменений* заключается в попытке изменить воспринимаемое значение политических позиций и актов посредством изменения эмоционального состояния целевой аудитории. Наиболее изученной формой когнитивных изменений является переоценка - попытка изменить значение события, чтобы повлиять на эмоциональную реакцию на событие²⁴⁴. Гудвин и Пфафф²⁴⁵ продемонстрировали, что борцы за гражданские права в Соединенных Штатах и Восточной Германии использовали массовые собрания, ритуалы и практики пристыживания для уменьшения коллективного страха.

(5) *Модуляция отклика* означает изменение одного или нескольких эмпирических, поведенческих или физиологических компонентов активированного эмоционального отклика уже после того, как эмоция сформировалась, с целью изменения влияния эмоции. Модуляция может стать следствием, повседневного взаимодействия с целевой аудиторией для формирования чувства доверия, эмоциональной риторики, необходимой для убеждения, социализации, то есть обучения новым правилам эмоций²⁴⁶, которые делают выражение определённых эмоций, таких как гнев, приемлемыми, а также создание

²⁴¹ Van Dillen, L. F. and Koole, S. L. Clearing the Mind: A Working Memory Model of Distraction from Negative Mood// *Emotion*, 2007 №7. - P. 715-723.

²⁴² Ibid. Op. Cit. - P. 10. см. заявление Б. Нетаньяху от 2011 г. Israel Ministry of Foreign Affairs, the Press Room. Government approves agreement for release of Gilad Shalit. 2011. [press release]. Available at: <https://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2011/Pages/PM_Netanyahu_special_Cabinet_meeting_11-Oct-2011.aspx>

²⁴³ Ананьева Е.В., Годованюк К.А. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук [сборник статей] / [отв. ред. Е.В. Ананьева]. – М. : Ин-т Европы РАН , 2018. - С.59-84; Уткин, А. «Дело Скрипалей»: международно-правовой аспект // *Международная жизнь*. - 2018 №4, - с. 20-28. По делу Скрипалей см. также эмоционально-насыщенный ответ представителей Российского МИДА, где прямо подчёркивается попытка британских властей «раздуть антироссийскую истерию»: Министерство Иностранных дел РФ, Пресс-служба. Заявление МИД России 1618-05-09-2018. Доступно по ссылке: <http://www.mid.ru/o-situacii-vokrug-otravlenia-s.scripala-i-ego-doceri-v-velikobritanii/-/asset_publisher/miIpnj31j96/content/id/3337611>

²⁴⁴ Gross, 2002. Op. Cit.

²⁴⁵ Goodwin, J. and Pfaff, S. *Emotion Work in High-Risk Social Movements: Managing Fear in the U.S. and East Germany Civil Rights Movements/ Passionate Politics: Emotions and Social Movements* ed. Goodwin, J., Jasper, J. M. and Polletta, F./ Chicago: University of Chicago Press, 2001. - P. 282-302).

²⁴⁶ Hochschild, A. R. *Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure*. // *American Journal of Sociology*. - 1979 №85. - P. 551–75.

институтов, которые способствуют и узаконивают выражение эмоции. Одной из форм модуляции отклика также является экспрессивное подавление²⁴⁷ которое относится к попыткам подавить эмоциональное поведение, в том числе путём насильственного разгона демонстраций и протестов.

Множество современных исследований эмоциональной регуляции связано с попыткой объяснить популярность популистских партий²⁴⁸, а также феномен постправды. Интересно, что обвинение популистов в манипулировании мнением обычно не подкреплено анализом объекта манипуляции - общественности, а также индивида, который поддается влиянию. Хотя, по мнению некоторых учёных, своими истоками популизм может быть связан с более агрессивными процессами, такими как национализм²⁴⁹. Примером такой связи на фоне совокупности анти-элитарных и анти-иммиграционных позиций в дополнение к антиевропейским убеждениям, которые оказали серьёзное влияние, выходящие далеко за пределы одной страны, могут быть речи бывшего лидера Партии независимости Соединённого Королевства Найджела Фаража²⁵⁰. Кроме того, исследования популизма действительно приходят к выводу, что, популистская риторика оказывает сильное эмоциональное влияние на граждан. С одной стороны, популистские призывы более убедительны, когда они явно эмоциональны, а с другой стороны, было продемонстрировано, что популистские призывы могут вызывать эмоции, такие как страх, которые имеют силу убеждения²⁵¹. Более того, популистские призывы вызывают более сильные эмоции, чем призывы к плюрализму, а также вызывают такие чувства, как гордость и надежда, тогда как противоречивые популистские сообщения вызывают страх и гнев²⁵². Например, характерно сравнение речей на тот момент президента Франции Франсуа Олланда и лидера партии «Национальный фронт», а также депутата Европарламента Франции, Марин Ле Пен. Нейтральный тон Олланда контрастирует с такими заявлениями, как «Франция - не Германия», «Интересы Франции не заключаются в слепом повиновении политике, принятой в Берлине, в Брюсселе или в

²⁴⁷ Richards, J. M., & Gross, J. J. Composure at Any Cost? The Cognitive Consequences of Emotion Suppression// *Personality and Social Psychology Bulletin*. - 1999 №25. - P. 1033-1044

²⁴⁸ Kinnvall, C. Ontological Insecurities and Postcolonial Imaginaries: The Emotional Appeal of Populism// *Humanity & Society*. - 2018 № 42(4). - P. 523-543; Hann, C. Anthropology and populism// *Anthropology Today*. - 2019 № 35(1). - P. 1-2.

Skonieczny, A. Emotions and Political Narratives: Populism, Trump and Trade// *Politics and Governance*. - 2018 №6(4).

²⁴⁹ Albertazzi D., and McDonnell D. Introduction: The sceptre and the spectre/ *Twenty-first century populism* ed. Albertazzi D. and McDonnell D./ London, UK: Palgrave Macmillan, 2008. - P. 1-11

²⁵⁰ См. Farage, N. The Spectator/ Nigel Farage's speech at the UKIP conference – full text and audio, 2013. Available at: <<https://blogs.spectator.co.uk/2013/09/nigel-farages-speech-full-text-and-audio/>>; Farage, N. United Kingdom Independence Party Conference Speech by Nigel Farage/ C-Span, 2013. Available at: <<https://www.c-span.org/video/?315254-1/united-kingdom-independence-party-conference-speech-nigel-farage>>

²⁵¹ Wirz, D. Persuasion Through Emotion? An Experimental Test of the Emotion-Eliciting Nature of Populist Communication// *International Journal of Communication*. - 2018 №12. - P. 1116.

²⁵² Ibid. - P. 1127

Вашингтоне» и т.д., наполненными чувством горечи и обиды за суверенитет Франции, по мнению Ле Пен, находящийся под угрозой²⁵³. Однако остаётся открытым вопрос, могут ли эти эффекты быть приписаны исключительно популистской риторике, потому что их потенциал вызвать эмоции не был сравнён с непопулистской коммуникацией.

Сведения о том, что люди воспринимают чувства как факты не новы. Однако, прежде чем обсуждать структурные факторы, которые имеют тенденцию усугублять существующую психологическую динамику, стоит отметить фундаментальные психологические и когнитивные источники убеждений. Так, нейронаучные данные позволяют говорить о том, что в основе, например, постправды лежат универсальные аспекты обработки информации человеческим мозгом. «Постправда» может быть определена как «Обстоятельства или явления, при которых объективные факты становятся менее значимыми в процессе формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»²⁵⁴. Макдермотт утверждает, что все люди разделяют основные предубеждения при сборе информации, находясь под влиянием предвзятых рассуждений и воспоминаний²⁵⁵. Постправда основана на том, что люди реагируют на эмоциональную информацию сильнее, чем на объективные факты, такие как статистические данные, что оказывает влияние на дебаты в общественной политике, а также на результаты определённых политических актов (например, голосования). Концепция постправды характеризуется несколькими особенностями, что также обнаруживает её использование популистами. Во-первых, она в значительной степени опирается на призывы к эмоциям (например, страху и гневу), которые могут быть спровоцированы в ответ на одну ситуацию, но позднее могут быть применены к другой, совершенно не связанной ситуации, как следствие связи с идентичностью врага или по принципу «циркуляции аффекта». Об этом феномене также пишет Росс, указывая на то, что в контексте социального взаимодействия со временем субъекты подвергаются новым комбинациям эмоций и, следовательно, эмоции отделяются от своих первоначальных объектов и становятся привязанными к новым объектам и значениям²⁵⁶. Во-вторых, постправда отделяет эмоциональные факты от конкретных деталей предлагаемой политики, что также способствует тому, что чувства по поводу одной проблемы

²⁵³ European Parliament. Current situation in the European Union Statements by Mr François Hollande, President of the French Republic, and Ms Angela Merkel, Chancellor of the Federal Republic of Germany, 2015. Available at: < <https://www.europarl.europa.eu/ep-live/en/plenary/video?debate=1444223013265>>

²⁵⁴ Oxford Dictionary. Word of the Year, November 16. Oxford, UK, 2016. Доступно по ссылке: [oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016](https://www.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016)

²⁵⁵ McDermott, R. Psychological Underpinnings of Post-Truth in Political Beliefs// PS: Political Science & Politics. / Cambridge University Press, 2019 №52 (2). - P. 218–222..

²⁵⁶ Ross, A. Mixed Emotions: Beyond fear and hatred in international conflict/ Chicago: The University of Chicago Press, 2013

используются для информирования дебатов о других проблемах. В-третьих, для постправды характерны постоянные повторения. Повторение способно «победить» правдивые факты на уровне процессов головного мозга, порождая ощущение «иллюзорной правды»²⁵⁷. Причиной этому служат эвристики - набор автоматизированных процессов мозга, ведь поверить в то, что повторяется много раз гораздо быстрее и гораздо менее затратно для головного мозга, чем попытаться оценить аргумент, задействуя не только эмоциональную систему, но и когнитивные процессы. Кроме того, даже если информация была определена как ложь, через какое-то время, за счёт того, что повторяемое лучше запоминается, человек может снова вернуться к ложному убеждению. В-четвёртых, в дискуссиях постправды опровержения оппонентов игнорируются или отклоняются, тем самым лишая оппозицию преимуществ от повторения их точки зрения. Кроме того, многие люди полагаются на свои эмоции как на наиболее доступный, точный и непосредственный источник истины именно потому, что анализ абстрактных знаний требует больших дополнительных усилий²⁵⁸. Исследования также показывают, что если утверждения не содержат конкретных фактов, то это снижает вероятность того, что люди будут пытаться проверить его точность, тогда как конкретные утверждения вызывают больший скептицизм, повышая вероятность критики²⁵⁹. Макдермотт утверждает, что при оценивании информации, люди придерживаются формулы из пяти составляющих: совместимость (с их мировоззрениями и тем, что они знают по данной теме), связность аргументации (если история правдоподобна. Более простые истории интерпретируются как более правдоподобные), достоверность (оценивается источник информации), консенсус (оценивается, как много и кто ещё верит в приведённую информацию) и подтверждения (т.е. доказательная база. Хотя, в этом случае, как упоминалось ранее, эмоции, простота восприятия, количество повторений, могут восприниматься как подтверждения правдивости информации).

Так, в основе регуляции эмоций лежит ряд психологических и физиологических механизмов, каждый из которых может внести вклад в объяснение и предсказание эффективности эмоциональной регуляции. Стратегии регуляции эмоций, используемые на более поздней стадии, такие как Когнитивные изменения и Модуляция отклика, вероятно, будут менее эффективны, так как объекту регуляции понадобится больше усилий для замены существующей эмоциональной информации. Тогда как Выбор ситуации, Изменение ситуации и Преднамеренное развёртывание, как механизмы, используемые во

²⁵⁷ McDermott, 2019. Op.Cit. - P. 220

²⁵⁸ Robinson, M. D., and Clore, G. Belief and Feeling: Evidence for an Accessibility Model of Emotional Self-Report// Psychological Bulletin. - 2002 № 128. - P. 934.

²⁵⁹ Schwarz, N., and Clore, G. L. Feelings and Phenomenal Experiences/ Social Psychology: Handbook of Basic Principles, 2nd ed. ed. Kruglanski, A. and Higgins E. T./ New York: Guilford, 1996. - P. 385–407.

время или до эмоционального события, способны отвлечь внимание, или искусственно связать позитивные эмоции с конкретными действиями политика. Кроме того, влияние может быть оказано с помощью эмоциональности и абстрактности содержания, а также повторения аргумента и игнорирования оппозиции. В международных отношениях, эмоции, связанные с восприятием угрозы или чувство сострадания, могут быть использованы в риторике, объясняющей или оправдывающей определённые действия, такие как военные вмешательства. Все приведённые выше механизмы также могут лежать в основе институционализации эмоций в виде военных доктрин и документов, а также в других формах стратегического взаимодействия. Анализ различных стратегических контекстов внешнеполитических решений в совокупности с эмоциональной риторикой, направленной на домашнюю аудиторию, способен внести существенный вклад в понимание роль эмоций в мировой политике.

В заключение, стоит отметить, что краткая характеристика роли эмоций в таких процессах, как популизм, национализм и межгрупповая поляризация, способная привести к возникновению конфликта, позволяет говорить о том, что это всё - глубоко эмоциональные явления, сопровождающие человека на протяжении многих веков. Более детальное изучение природы эмоций с помощью психологических и нейрофизиологических методов позволяет по-новому оценить политические процессы, дискуссии о которых не угасают в научной литературе. Так, убеждённости при отсутствии фактов, способных доказать или подкрепить её, характеризует человеческую деятельность, и лежит в основе эмоционального регулирования на уровне государства и в международных отношениях. Эмоциональная убеждённость играет важную роль в формировании идентичности, а также, при наличии воспринимаемой угрозы, способна привести к групповой поляризации, которая, в свою очередь, при наличии некоторых других структурных факторов, может мотивировать жестокое поведение, лежащее в основе этнического конфликта. Существует четыре механизма, посредством которых эмоции способны создавать и укреплять групповую поляризацию: механизм «активации границы», «негативные чувства», «гомогенизации представителей внешней группы» и «солидарность с представителями собственной группы». Кроме того, имеет смысл отличать понятия «групповая поляризация» и «жестокое поведение», так как они являются различными компонентами этнического конфликта и, как следствие, имеют неидентичные причины. Данный вывод имеет значимость в контексте дискуссии преимущественно между неореалистами и конструктивистами относительно причин этнического конфликта, разобранный ранее в главе. Кроме того, эмоции, в том числе те, которые обуславливают групповую поляризацию, способны институционализироваться,

то есть воплощаться в легитимных практиках и нормативных документах. Механизм институционализации эмоций, описанный американским учёным Нэтой Кроуфорд, а также механизмы функционирования эмоциональной интерсубъективности либеральных акторов, к сожалению, на сегодняшний день не получили серьёзного отклика в научном сообществе. Остаётся открытым вопрос о том, какие ещё эмоции, наряду с описанными страхом и эмпатией, и посредством каких механизмов, способны быть институционализированными.

Заключение

Эмоции на протяжении долгого времени занимали парадоксальную позицию в рамках исследований международных отношений. С одной стороны, важность эмоций не отрицалась классиками теории международных отношений в рамках основных парадигм. Однако, при этом, по ряду причин, исследованию эмоций как таковых практически не

уделялось внимания. Одной из основных причин сложившейся ситуации является сложность измерения эмоций при преобладающей роли позитивистских подходов в научном сообществе. Наряду с этим, в международных отношениях, как и в политической психологии, укрепилось прочное представление о том, что эмоции способны только мешать принятию политических решений, соответственно даже в рамках когнитивной революции в психологии, эмоции постулировались в противовес рациональности. Современные нейронаучные данные, однако, в корне меняют представления научного сообщества о природе эмоций, подчёркивая не только взаимозависимость процессов эмоционального восприятия и процессов мышления в головном мозге, но и, во многих случаях, первенство паттернов активации нейронных сетей головного мозга, ассоциированных с эмоциями. Другими словами, результаты исследований головного мозга приводят к выводу о фундаментальной роли эмоций в процессах, которые считаются основой для любой деятельности, в том числе и политической, таких как принятие решений, самоидентификация и групповая идентификация, запоминание и воспроизведение в памяти, приведение аналогий и т.д. В международных отношениях, исследований, которые были бы основаны таком понимании природы эмоций становится все больше, что получило название «эмоциональный поворот». Эти исследования, однако, носят разрозненный характер, часто не перекликаются между собой, что приводит к сложности их систематизации и практически не создаёт научных дискуссий в рамках международных отношений. Тем не менее, существуют как минимум три общенаучные междисциплинарные дискуссии, исход которых ценен для политических наук и смежных дисциплин.

Во-первых, в основе «эмоционального поворота» лежит дискуссия о роли эмоций в принятии решений. Многие учёные противопоставляют нейронаучные данные теориям рационального выбора, говоря о том, что само понятие рациональности должно быть пересмотрено, так как человек, по природе своей не может не задействовать эмоциональные механизмы при принятии решений. На основе систематизации данных о роли эмоций при принятии решений, предлагаются понятия эмоциональной рациональности, а также эмоционального убеждения, как более целесообразной основы при принятии политических решений. Рассматривается также роль неосознанных физиологических процессов, являющихся значимым компонентом эмоции, в том числе обуславливающих появление политической интуиции и эвристик, или механизмов, посредством которых мозг значительно упрощает процесс восприятия для более эффективной работы. Во-вторых, важной дискуссией является проблема уровней анализа в изучении эмоций. Мнению о том, что эмоции являются исключительно индивидуальным

феноменом, а следовательно не имеет серьёзного значения в рамках мировой политики, противопоставляется идея о том, что индивидуальные и коллективные эмоции - различны по своей природе, но одинаково важны, так как коллективные эмоции неразрывно связаны с групповой идентификацией и межгрупповой динамикой. Существует также точка зрения, что если эмоции имеют биологическую природу, то значит могут быть редуцируемы до химических веществ головного мозга. Ей противостоит идея о том, что эмоция - это социальное явление как следствие нейропластичности головного мозга, поэтому эмоции ощущаются по-разному представителями разных культурных и социально-политических общностей. Эмоция является в некоторой степени социальным конструктом, что не отменяет её важность, а скорее наоборот, подчёркивает необходимость исследования кросс-культурной эмоциональности. В-третьих, значительную роль в научной литературе играет вопрос о причинно-следственной связи эмоций и действий, которая ставится под вопрос многими представителями как парадигмы рационального выбора, так и последователями различных направлений в психологии, включая позитивизм Джеймса и психологических конструктивистов. Однако до тех пор, пока эмоция повышает вероятность действия, а также является одним из компонентов, мотивирующих к действию, таким же влиятельным, как и, например, объективные факты, причинно-следственная связь существует.

В развитие общетеоретических дискуссий, эмоции также имеют существенное значение в таких процессах, как появление национализма, межэтнической вражды, популизма и «постправды», которые, в свою очередь, могут приобретать легитимность через выражение в нормативных документах, доктринах и многочисленных заявлениях политиков, через процесс институционализации эмоций. Институционализация эмоций требует дальнейшего изучения в рамках теории международных отношений, в том числе с точки зрения влияния конкретных эмоций, помимо эмпатии и страха, а также выходя за рамки валентной категоризации эмоций, не имеющей прямого подтверждения со стороны нейрофизиологии. Однако, влияние разделяемого глобальными акторами эмоционального спектра или межгрупповой идентичности на уровне государств, которое может принимать характер законодательного акта, стоит принимать во внимание. Идеи об эмоциональном характере национализма и этнических конфликтов ставят под вопрос первенство неореалистических теорий об их природе. Однако, важно и то, что последователи «эмоционального поворота» подчёркивают комплементарность их исследований о роли эмоций, не отрицая значимости структурных или материальных особенностей системы. Так, существует различие между групповой поляризацией и этнически-мотивированным насилием как компонентами этнического конфликта, которые могут быть объяснены

различными факторами. Кроме того, эмоции могут подвергаться регуляции и изменению, что активно используется многими современными политиками. Однако, дискуссии об эмоциональной регуляции вновь возвращаются к головному мозгу, как к объекту исследования, проливая свет на причины, которые сделали возможным эмоциональное воздействие на индивидуальное и коллективное мироощущение. Перенос внимания от изучения намерений элит, на механизмы устройства мозга, связанные с восприятием информации, также указывают на то, что ни популизм, ни постправда не являются новыми явлениями в истории человечества: принятие эмоций в качестве объективного доказательства определённого убеждения, присуще природе человека.

Таким образом, проанализировав современные теоретические дискуссии о роли эмоций в мировой политике, на основе современных междисциплинарных данных, данная работа достигла поставленной цели. Множество вопросов, связанных с ролью эмоций в политических процессах на различных уровнях, остаются без ответа. Многие из них требуют большей ясности относительно общетеоретических споров о самой природы эмоций. Однако, уже на современном этапе отчётливо видна необходимость активного включения эмоций в поле исследований политических и социологических наук. Существует также необходимость не просто интеграции нейронаучных данных в ключе одностороннего заимствования, но также и содействие двустороннему обмену, при котором обширная методология дисциплины международные отношения, могла бы быть использована для изучения влияния эмоций на групповом уровне. Кроме того, и в рамках политических наук, ощущается разобщенность методов и подходов: ведущие специалисты по эмоциям редко обращаются, например, к контент-анализу, ограничиваясь общетеоретическими заключениями, которые, как было упомянуто ранее, не связаны между собой, что не способствует прогрессу теоретизации. Изучение эмоций - перспективное направление на стыке нескольких научных дисциплин, способное пролить свет на причины множества процессов в мировой политике. Выводы касательно дискуссий в этой области, приведённые в данной выпускной квалификационной работе, могут стать полезными для дальнейших исследований не только в западной, но и в российской науке.

Список источников и литературы

Источники

1. Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственному суверенитету «Ответственность по защите»: док. ООН А/57/303 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/57/303>>. — Дата доступа: 18.05.2019
2. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/outcome2005_ch4.html#t6>. — Дата доступа: 18.05.2019
3. Министерство Иностранных дел РФ, Пресс-служба. Заявление МИД России 1618-05-09-2018. Доступно по ссылке: <http://www.mid.ru/o-situacii-vokrug-otravlenia-s.skripala-i-ego-doceri-v-velikobritanii/-/asset_publisher/miIpunj3lj96/content/id/3337611>
4. Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. Доступно по ссылке: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru>
5. Bayerische Staatsbibliothek - Digitale Bibliothek, Münchener Digitalisierungszentrum/ Полный текст. Закон о гражданстве рейха и Закон о защите немецкой крови и немецкой чести [Нюрнбергские законы, 15 сентября 1935 г., и два первых распоряжения к ним, 14 ноября 1935 г. / Баварская государственная библиотека/ БСБ, Мюнхен). Доступно по ссылке: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0007_nue&object=translation&l=ru
6. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft. vom 18. April 1999 (Stand am 23. September 2018). Available at: <<https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/201809230000/101.pdf>>
7. European Parliament. Current situation in the European Union Statements by Mr François Hollande, President of the French Republic, and Ms Angela Merkel, Chancellor of the Federal Republic of Germany, 2015. Available at: <<https://www.europarl.europa.eu/ep-live/en/plenary/video?debate=1444223013265>>
8. Federal Chancellery of Switzerland (FCh). Volksabstimmung vom 29. November 2009 Erläuterungen des Bundesrates, 2009. Available at: <https://www.web.statistik.zh.ch/cms_abstimmungsarchiv/pdf/20091129_Bundesrat.pdf>

9. Federal Chancellery of Switzerland (FCh). Volksabstimmung vom 9. Februar 2014 Erläuterungen des Bundesrates [online]. 6.10.2013.
https://www.bk.admin.ch/dam/bk/de/dokumente/Abstimmungsbuechlein/erlaeuterungen_des_bundesrates09022014.pdf.download.pdf/erlaeuterungen_desbundesrates09022014.pdf
10. Farage, N. The Spectator/ Nigel Farage's speech at the UKIP conference – full text and audio, 2013. Available at:
 <<https://blogs.spectator.co.uk/2013/09/nigel-farages-speech-full-text-and-audio/>>.
11. Farage, N. United Kingdom Independence Party Conference Speech by Nigel Farage/ C-Span, 2013. Available at:
 <<https://www.c-span.org/video/?315254-1/united-kingdom-independence-party-conference-speech-nigel-farage>>
12. Happy Planet Index 2016 Methods Paper/ Happy Planet Index.- 2016. Доступно по ссылке:
https://static1.squarespace.com/static/5735c421e321402778ee0ce9/t/578cc52b2994ca114a67d81c/1468843308642/Methods+paper_2016.pdf
13. Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. World Happiness Report 2019/ New York: Sustainable Development Solutions Network. - 2019.
14. Israel Ministry of Foreign Affairs, the Press Room. Government approves agreement for release of Gilad Shalit. 2011. [press release]. Available at:
 <https://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2011/Pages/PM_Netanyahu_special_Cabinet_meeting_11-Oct-2011.aspx>
15. Kaljulaid, K. «BIG INTERVIEW: Kersti Kaljulaid: A small country has only one natural resource – between our ears» Interview by Tambur, S.// Estonian world, 2018. Available at:
 <<https://estonianworld.com/life/big-interview-kersti-kaljulaid-small-country-one-natural-resource-ears/>>
16. Petri, F. The Immigration of Muslims Will Change Our Culture. Interview by Beyer, S. and Fleischhauer, J. Spiegel online. Available at:
 <<https://www.spiegel.de/international/germany/interview-with-frauke-petry-of-the-alternative-for-germany-a-1084493.html>>
17. Stamm, L. Mistakes of Brussels breed radicals across Europe - Luzi Stamm, Swiss' People's Party VP. Interview by SophieCo, 2014. Available at:
 <<https://www.rt.com/shows/sophieco/switzerland-referendum-curb-immigration-381/>>

Литература

18. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001 г.

19. Ананьева Е.В., Годованюк К.А. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук [сборник статей] / [отв.ред. Е.В. Ананьева]. – М. : Ин-т Европы РАН , 2018. - С.59-84;
20. Арендт, Х. Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла./пер. Рудницкой Н./ М.: Европа, 2008
21. Ворошилова, А. А. Манипуляция сознанием как объект социально-политического исследования// Вестник государственного аэрокосмического университета им М.Ф. Решетнева. - 2006. - Р. 297
22. Грачёв, Г. В.б и Мельник, И. К. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия/ М: Алгоритм, 1999. - 236 с.
23. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита/ М.: ЧеРо, 1997. — 344 с.
24. Изард К. Психология эмоций / К. Изард. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
25. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро//М.: АСТ, 2013.
26. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения/Харьков: Гуманитарный центр, 2005;
27. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 4. — С. 31–42.;
28. Капустин, Б.Г. Либерализм/ Новая философская энциклопедия/ Электронная библиотека ИФ РАН. Доступно по ссылке: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c3e2f3893700ccc1e763>
29. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием/ М: Алгоритм, 2004. - 528 с.
30. Михайлов, С. Единение в бессилии. Чем стал для Франции сгоревший Нотр-Дам/ Московский Центр Карнеги. - 2019. Доступно по ссылке: <https://carnegie.ru/commentary/78892>
31. Уткин, А. «Дело Скрипалей»: международно-правовой аспект // Международная жизнь. - 2018 №4, - с. 20-28.
32. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции// Пер. с немецкого Г.В. Барышниковой; Лит. ред. Е.Е. Соколовой, Т.В. Родионовой - Москва: Наука, 1989 - с.456.

33. Adler, E. and Barnett, M. *Security Communities*/ Cambridge: Cambridge University Press., 1998.
34. Albertazzi D., and McDonnell D. *Introduction: The sceptre and the spectre/ Twenty-first century populism* ed. Albertazzi D. and McDonnell D./ London, UK: Palgrave Macmillan, 2008. - P. 1-11
35. Barraza, J. A. and Zak P. J. *Empathy Toward Strangers Triggers Oxytocin Release and Subsequent Generosity*// *Annual Review of the New York Academy of Sciences*. - 2009 № 1167. - P. 182–89
36. Bartz, J. A., Zaki, J., Bolger, N., Hollander, E., Ludwig, N. N., Kolevzon, A. and Ochsner K. N. *Oxytocin Selectively Improves Empathic Accuracy*// *Psychological Science*. - 2010 №21(10). - P. 1426–428.
37. Barrett, Lisa F. *The Future of Psychology: Connecting Mind to Brain*// *Perspectives on Psychological Science*. - 2009 №4(4). - P.327.
38. Baumeister, R. F., Vohs, K. D., DeWall, C. N., and Zhang, L. *How emotion shapes behavior: Feedback, anticipation, and reflection rather than direct causation*// *Personality and Social Psychology Review*. - 2007 №11. - P. 167–203.
39. Bechara, A., Damasio, H., Tranel, D. and Damasio A. *Deciding Advantageously before Knowing Advantageous Strategy*// *Science*. -1997 №275. - P.1293-1295
40. Bially Mattern, J. *On Being Convinced: An Emotional Epistemology of International Relations*// *International Theory*. - 2014 №6(3).2014. - P. 590
41. Bleiker, R. *Aesthetics and World Politics*/New York: Palgrave Macmillan, 2009.
42. Booth, K. and Wheeler, N.J. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics*/Basingstoke: Palgrave, 2007
43. Brown, Chris. *Karl Marx, the Left, and Human Nature*/ed.: Jacobi, D., Freyberg-Inan, Lebow, R.N., Brown, C., Bell, D., Prügl, E. and Herborth, B./*Human Being(s) in International Relations*//*International Studies Review*- 2012 №14(4). - P.650.
44. Clore G. L., Schwarz N. and Conway M. *Affective causes and consequences of social information process*/ *Handbook of Social Cognition* ed Wyer R.S. and Srull T.K/ Hillsdale, N.J: Erlbaum, 1994. - P. 323-417
45. Clore, G. L. and Ortony, A. *Cognition in emotion: Always, sometimes, or never?*/*Cognitive neuroscience of emotion*, ed. Lane, R.D and Nadel, L. . New York: Oxford University Press, 2000. - P. 24–61.
46. Coan, J. A. *Emergent Ghosts of the Emotion Machine*//*Emotion Review*. - 2010 №2(3): 278

47. Coan, J. A. and Gonzalez, M. Z. Emotions as emergent variables/ *The psychological construction of emotion* ed. Barrett, L. F. and Russell J. A./ New York, NY: The Guilford Press, 2015. - P. 213.
48. Coicaud, J-M. Emotions and Passions in the Discipline of International Relations// *Japanese Journal of Political Science*. - 2014 №15(3). - P. 485–513.
49. Coicaud, J-M. The Question of Emotions and Passions in Mainstream International Relations, and Beyond. /*Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*/Ed. Ariffin, Y. Coicaud, J-M. and Popovski V./ Cambridge: Cambridge University Press, 2016. - P. 39.
50. Cosmides, L. and Tooby, J. Evolutionary psychology and the emotions/ *Handbook of emotions*. - 2000 № 2(2). - P. 91-11.
51. Crawford, N. C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotions and Emotional Relationships// *International Security*. - 2000 № 24(4). - P.116–136.
52. Crawford, N. C. Human Nature and World Politics: Rethinking ‘Man’// *International Relations*. - 2009 №23(2). - P. 271–88.
53. Crawford, N. C. Institutionalizing Passion in World Politics: Fear and Empathy// *International Theory*. - 2014 №6(3). - P. 546
54. Damasio, A. *The Feeling of What Happens: Body, Emotion and the Making of Consciousness*/ Harcourt Brace, 1999.
55. Deutsch, K., Burrell, S., Kann, R. A., Lee, M. Jr., Lichterman, M., Lindgren, R., Lowenthal, F. and Van Wagenen R. W. *Political Community and the North Atlantic Area*/ Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957.
56. Dovidio, J. F., Fiske, S. T., Gaunt, R. , Paladino, M. , Rodriguez-Perez, A. , Rodriguez-Torres, R. and Vaes, J. Emotional prejudice, essentialism, and nationalism The 2002 Tajfel lecture// *European Journal of Social Psychology*. - 2003 №33. - P. 703-717.
57. Edkins, J. *Trauma and the Memory of Politics*/Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
58. Eisenberg, N. and Eggum, N. D. Empathic Responding: Sympathy and Personal Distress/*The Social Neuroscience of Empathy*, ed. Decety J. and Ickes, W. / Cambridge, MA: MIT Press, 2009. - P. 72
59. Ekman, P. Are there basic emotions?// *Psychology Review*. - 1992 № 99(3). - P. 550-553.
60. Ekman, P. and Cordaro, D. What is meant by calling emotions basic// *Emotion Review*. - 2011 №3. - P. 366.
61. Elster, J. *Alchemies of the Mind: Rationality and the Emotions*/Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

62. Fattah, K. and Fierke, K.M. A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East//*European Journal of International Relations*. - 2009 №15(1). - P. 67–93.
63. Fearon, J. and Wendt, A. Rationalism v. Constructivism: A Skeptical View//*Handbook of International Relations*, ed. Carlsnaes, W., Risse, T. and Simmons, B./London, UK: Sage, 2002. - P.59.
64. Fierke, K.M. Whereof We Can Speak, Thereof We Must Not Be Silent: Trauma, Political Solipsism and War// *Review of International Studies*. - 2004 №30(4). - P. 471–491.
65. Fierke, K.M. Emotion and Intentionality//*International Theory*. - 2014 №6(3). - P.563–567.
66. de Figueiredo, R. and Weingast, B. The Rationality of Fear: Political Opportunism and Ethnic Conflict/ *Civil Wars, Insecurity, and Intervention*, ed. Walter, B. and Snyder, J./ New York: Columbia University Press, 1999. - P. 261.
67. Franks D.D. The Neuroscience of Emotions/ *Handbook of the Sociology of Emotions*. ed. Stets J.E., Turner J.H./*Handbooks of Sociology and Social Research/ Springer, Boston, MA, 2006*
68. Goodwin, J. and Pfaff, S. Emotion Work in High-Risk Social Movements: Managing Fear in the U.S. and East Germany Civil Rights Movements/ *Passionate Politics: Emotions and Social Movements* ed. Goodwin, J., Jasper, J. M. and Polletta, F./ Chicago: University of Chicago Press, 2001. - P. 282-302.
69. Gross, J. J. The Emerging Field of Emotion Regulation: An Integrative Review.// *Review of General Psychology*, 1998.
70. Gross, J. J. Emotion Regulation: Affective, Cognitive, and Social Consequences// *Psychophysiology*, 2002 № 39. - P. 281-291;
71. Gross, J. J., Sheppes, G. & Urry, H. L. Emotion Generation and Emotion Regulation: A Distinction We Should Make (Carefully)// *Cognition and Emotion*, 2011 № 25. - P. 765-781.
72. Hann, C. Anthropology and populism// *Anthropology Today*. - 2019 № 35(1). - P. 1-2.
73. Harris, L. T., and Fiske S. T. Dehumanizing the Lowest of the Low: Neural Responses to Extreme Out-Groups// *Psychological Science*. - 2006 №17(10). -P. 847–53.
74. Heath, A. *Rational Choice and Social Exchange/ Cambridge: Cambridge University Press, 1976. - P. 3.*
75. Scott, J. *Rational Choice Theory/ Understanding Contemporary Society: Theories of The Present*, ed. Halcli, G. B. and Webster, F. / Sage Publications, 2000. - P.3

76. Hill, C. Pierre Hassner, *La Revanche des Passions: Métamorphoses de la Violence et Crises du Politique*//Book review/Paris: Fayard et Centre de recherches internationales de Sciences Po. - 2015// ERIS. - 2018 №5(2). - P. 94–96
77. Hill, C. *The Changing Politics of Foreign Policy*/Houndmills: Palgrave, 2003. - P.116; см. также Jervis, R., Lebow R. N. and Stein, J. G. *Psychology and Deterrence*/ Baltimore: John Hopkins University Press, 1985
78. Hochschild, A. R. *Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure*. // *American Journal of Sociology*. - 1979 №85. - P. 551–75.
79. Hogg, M.A. *A social identity theory of leadership*/ *Personality and Social Psychology Review*. - 2001 №5. - P. 184-200..
80. Hogg, M.A. and van Knippenberg, D. *Social identity and leadership processes in groups*/ *Advances in Experimental Social Psychology* ed. Zanna, M.P vol.35/ San Diego: Academic Press, 2003.
81. Holmes, M. *Believing This and Alieving That: Theorizing Affect and Intuitions in International Politics*, *International Studies Quarterly*. - 2015 №59(4) , P. 706–72.
82. Holmes, M. *The Force of Face-to-Face Diplomacy: Mirror Neurons and the Problem of Intentions*// *International Organization*. - 2013b №67(4). - P.829–61.
83. Holmes, M. *Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations*/ Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
84. Horowitz, D. L. *Ethnic Groups in Conflict*/ Berkeley: University of California Press, 2000. - P. 179.
85. Hutchison, E. and Bleiker, R. *Theorizing emotions in world politics*//*International Theory*. - 2014 №6(3). - P. 491-514.
86. Hutto, D. D. *Truly Enactive Emotion*//*Emotion Review*. - 2012 №4(2). - P. 177
87. James, S. *The Politics of Emotion: Liberalism and Cognitivism*//*Royal Institute of Philosophy Supplement*. - 2006. №58. - P.231.
88. James, W. *What is an emotion?*// *Mind*. - 1884 №34. - P.190.
89. Jeffery, R. *Reason, Emotion and the Problem of World Poverty: Moral Sentiment Theory and International Ethics*//*International Theory*. - 2011 № 3(1). - P. 144.
90. Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*/Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976.
91. Kaufman,S. J. *Modern Hatreds: The Symbolic Politics of Ethnic War*/ Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. - P. 31.
92. Keck, M. E., and Sikkink. K. *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*/ Ithaca: Cornell University Press, 1998.

93. Kelman H.C. Negotiation as interactive problem solving// *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice*. - 1996 №1(1). - P. 99-123.
94. Kertzer J. D. and Tingley, D.. *Political Psychology in International Relations: Beyond the Paradigms*// *Annual Review of Political Science*. - 2018 №21(1). - P.319-339.
95. Kinnvall, C. *Ontological Insecurities and Postcolonial Imaginaries: The Emotional Appeal of Populism*// *Humanity & Society*. - 2018 № 42(4). - P. 523-543;
96. Koschut, S. *No sympathy for the devil: Emotions and the social construction of the democratic peace*// *Cooperation and Conflict*. - 2018 №53(3). - P. 320–338.
97. Kristeva , J. *Nations without Nationalism*/New York : Columbia University Press, 1983.
98. Lebow, R. N. *A Cultural Theory of International Relations*/ Cambridge: Cambridge University Press, 2008. - P. 647.
99. LeDoux, J. E. *Emotion: Clues from the Brain*// *Annual Review of Psychology*. - 1995 №46. - P. 209–35.
- 100.Lerner, J. S. and Keltner, D. *Beyond valence: Toward a model of emotion specific influences on judgment and choice*. *Cognition and Emotion*. - 2000 №14. - P. 473–493.
- 101.Lerner, J. S., Li, Y., Valdesolo, P., & Kassam, K. S. *Emotion and decision making*// *Annual Review of Psychology*. - 2015 №66.
- 102.Lindquist, K. A. *Emotions Emerge From More Basic Psychological Ingredients: A Modern Psychological Constructionist Model*// *Emotion Review*. - 2013 №5(4). P. 356–58;
- 103.Linklater, A. *Anger and world politics: how collective emotions shift over time*//*International Theory*.- 2014. №6(3). - P. 574-78
- 104.Linklater, A. *Comptes rendus.Théories, méthode et idées/ Argument and Change in World Politics. Ethics, Decolonization and Humanitarian Intervention by Crawford, N.*// *Sécurité et identité nationale*. - 2004 № 35 (1). - P. 173
- 105.Loewenstein, G. F; Weber, E. U; Hsee, C. K, Welch, N. *Risk as Feelings*// *Psychological Bulletin*. - 2001 №127(2). - P. 267-286
- 106.Maass, A., Ceccarelli, R. and Rudin, S. *Linguistic Intergroup Bias*// *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1996 №71(3). - P. 512-526.
- 107.Maor, M., Gross, J. *Emotion Regulation by Emotional Entrepreneurs: Implications for Political Science and International Relations*// *Journal of Political Marketing*. - 2015 № 2. - P. 77-100.
- 108.Marcus, G. *Emotions in Politics*// *Annual Review of Political Science*. - 2000 №3. - P. 221-250.

109. Marlier, G., and Crawford, N. C. Incomplete and Imperfect Institutionalisation of Empathy and Altruism in the 'Responsibility to Protect' Doctrine// *Global Responsibility to Protect*. - 2013 №5(4). - P. 397-422.
110. Marx, K. *Economic and Philosophical Manuscripts*. 1844. Pp. 279–400 in *Karl Marx: Early Writings*, with an Introduction by L. Colletti//New York: Penguin Books (in association with New Left Review), 1974 - P.390
111. Mathur, V. A., Harada, T., Lipke, T. and Chiao, J. Neural Basis of Extraordinary Empathy and Altruistic Motivation// *Neuroimage*. - 2010 №51. - P. 1468–475;
112. McDermott, R. The Psychological Ideas of Amos Tversky and their Relevance for Political Science// *Journal of Theoretical Politics*. - 2001 №13(1). - P. 13.
113. McDermott, R. *Political Psychology in International Relations*/ University of Michigan Press, 2004a.- P.47.
114. McDermott, R. The Feeling of Rationality: The Meaning of Neuroscientific Advances for Political Science// *Perspectives on Politics*. - 2004b №2(4). - P.691-706.
115. McDermott, R. Prospect Theory in Political Science: Gains and Losses from the First Decade// *Political Psychology*. - 2004c №25(2). - P. 289–312
116. McDermott, R. Mutual Interests: The Case for Increasing Dialogue between Political Science and Neuroscience// *Political Research Quarterly*. - 2009 №62(3). - P.571–583.
117. McDermott, R. Emotional dynamics of cyberconflict// *Journal of Cybersecurity*/Under review/ Available at: <https://ndisc.nd.edu/assets/290142/emotional_cyber.pdf>. 2018 - P. 6.
118. McDermott, R. Psychological Underpinnings of Post-Truth in Political Beliefs// *PS: Political Science & Politics*. / Cambridge University Press, 2019 №52 (2). - P. 218–222.
119. McDoom, O. S. The Psychology of Threat in Intergroup Conflict: Emotions, Rationality, and Opportunity in the Rwandan Genocide// *International Security*. - 2012 №37(2). - P. 119–55.
120. Mellers, B. A., Schwartz, A., Ho, K. and Ritov, I. Decision Affect Theory: Emotional Reactions to the Outcomes of Risky Options//*Psychological Science*. - 1997 №8(6). - P. 423-429.
121. Mercer, J. Rationality and Psychology in International Politics// *International Organization*. - 2005 №59(1). - P. 77–106.
122. Mercer, J. Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics//*Journal of International Relations and Development*. - 2006 №9. - P. 296-299.
123. Mercer, J. Emotional Beliefs. *International Organization*. - 2010 № 64(1) - P. 1-31.
124. Mercer, J. Emotion and Strategy in the Korean War//*International Organization*. - 2013 №67(2). - P. 247.

125. Mercer, J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity//International Theory. - 2014 №6(3). - P. 515–535.
126. de Mesquita, B. Principles of International Politics. People, Power and Preferences/Washington, DC: CQ Press, 2000.
127. Mezzofiore, G. The internet is already awash in Notre Dame conspiracies/ CNN Business. - 2019. Available at: <https://edition.cnn.com/2019/04/16/tech/conspiracy-theories-notre-dame-cathedral-fire/index.html>
128. Mintz, A., Yang, Y. and McDermott, R. Experimental Approaches to International Relations//International Studies Quarterly. - 2011 №55(2). - P.493–501.
129. Monroe, K. R. The Heart of Compassion: Portraits of Moral Choice During the Holocaust/ Princeton: Princeton University Press, 2004.; Monroe, K. R Ethics in an Age of Terror and Genocide/ Princeton: Princeton University Press, 2012
130. Morgenthau, H. J. Scientific Man Versus Power Politics. //Chicago: University of Chicago Press, 1946 - P. 192.
131. Morgenthau, H. J. Politics among Nations, 1948/ New York: Alfred A. Knopf, 1956 - P.5.
132. Moro, F. N. Organizing Emotions and Ideology in Collective Armed Mobilization// PS: Political Science & Politics/ Cambridge University Press, 2017 №50(4). - P. 944–947.
133. Morrow, J. Game Theory for Political Scientists/ Princeton: Princeton University Press, 1994
134. Mummendey, A., Otten, S., Berger, U. and Kessler, T. Positive-Negative Asymmetry in Social Discrimination: Valence of Evaluation and Salience of Categorization. Personality and Social Psychology Bulletin. - 2000 № 26. - P. 1258-1270.
135. Neumann, I. B. Beware of Organicism: The Narrative Self of the State// Review of International Studies. - 2004 №30(2). - P. 259–67.
136. Niebuhr, R. An Interpretation of Christian Ethics/New York: Harper & Brothers, 1935. - P.78, 82.
137. Niebuhr, R. The Nature and Destiny of Man, vol. I: Human Nature/Louisville: Westminster John Knox Press, 1996. - P.179.
138. Nussbaum, M.C. Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions/Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - P. 1-22.
139. Oxford Dictionary. Word of the Year, November 16. Oxford, UK, 2016. Available at: en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016

140. Parkinson, B. and Simons, G. Affecting Others: Social Appraisal and Emotion Contagion in Everyday Decision Making// *Personality and Social Psychology Bulletin*. - 2009 №35(8). - P. 1071–84.
141. Petersen, R. D. *Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred and Resentment in Twentieth Century Eastern Europe*/ Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
142. Pfaff, D. W. *The Neuroscience of Fair Play: Why We (Usually) Follow the Golden Rule*/ New York: Dana Press, 2007. - P. 107.
143. Posen, B.R. The Security Dilemma and Ethnic Conflict// *Survival*. - 1993 №35(1). - P. 27.
144. Pupavac, V. The Politics of Emergency and the Demise of the Developing State: Problems for Humanitarian Advocacy// *Development in Practice*. - 2006 №16(3/4). - P.255–269.
145. Raschi, F. and Zambernardi, L.. Was anybody ever a realist? A sceptical view on the distinction between political realism and liberalism//*History of European Ideas*.- 2018. № 44(3). - P.377
146. Richards, J. M., & Gross, J. J. Composure at Any Cost? The Cognitive Consequences of Emotion Suppression// *Personality and Social Psychology Bulletin*. - 1999 №25. - P. 1033-1044
147. Riek, B. M., Mania, E. W. and Gaertner, S. L. Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: A Meta-Analytic Review// *Personality and Social Psychology Review*. - 2006 №10(4). - P. 336-353.
148. Robinson, M. D., and Clore, G. Belief and Feeling: Evidence for an Accessibility Model of Emotional Self-Report// *Psychological Bulletin*. - 2002 № 128. - P. 934.
149. Rogers, C. *On Becoming a Person*/Boston: Houghton Mifflin, 1961
150. Ross, M. H. *Cultural Contestation in Ethnic Conflict*/ Cambridge: Cambridge University Press, 2007. - P. 42-43.
151. Ross, A. A. G. Realism, emotion, and dynamic allegiances in global politics// *International Theory*. - 2013a. №5(2).- P. 273–299;
152. Ross, A. *Mixed Emotions: Beyond fear and hatred in international conflict*/ Chicago: The University of Chicago Press, 2013b
153. Rugnetta, M. 2019. Neuroplasticity. *Encyclopædia Britannica*, Encyclopædia Britannica, inc. Available at: <<https://www.britannica.com/science/neuroplasticity>>
154. Sasley, B. E. Theorizing States' Emotions// *International Studies Review*. - 2011 №13(3). - P.452–476.
155. Scarantino, A. Do Emotions Cause Actions, and If So How? *Emotion Review*. - 2017 №9(4). - P. 326.

- 156.Schroder,T., Terrence S. C., Paul, T. Intention, Emotion, and Action: A Neural Theory Based on Semantic Pointers// *Cognitive Science*, 2014 №38. - P. 857.
- 157.Schwarz, N., and Clore, G. L. Feelings and Phenomenal Experiences/ *Social Psychology: Handbook of Basic Principles*, 2nd ed. ed. Kruglanski, A. and Higgins E. T./ New York: Guilford, 1996. - P. 385–407.
- 158.Searle, J. R..The construction of social reality/ New York: Free Press, 1995.
- 159.Sears, D. O. Symbolic racism/ *Eliminating racism: Profiles in Controversy* ed. Katz, P. A. and . Taylor, D. A / New York: Plenum, 1988.
- 160.Sears, D. O, Huddy, L. and Jervis, R./ *Oxford Handbook of Political Psychology/ Oxford: Oxford University Press*, 2003. - P. 539-542.
- 161.de Senarclens, P. Freud et le nationalisme//*Le Coq-héron*. - 2018 №233(2). - P. 30-41.
- 162.Skinner, B.F. The behavior of organisms/ New York: Appleton-Century-Crofts, 1938;
- 163.Skinner, B.F. Science and Human Behavior/ New York: McMillan, 1953;
- 164.Skinner, B.F. Beyond Freedom and Dignity/ Toronto: Bantam, 1972.
- 165.Skonieczny, A. Emotions and Political Narratives: Populism, Trump and Trade// *Politics and Governance*. - 2018 №6(4).
- 166.Smith, E. R., Seger, C. R. and Mackie, D. M. Can Emotions be Truly Group Level? Evidence Regarding Four Conceptual Criteria// *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007 №93(3). - P. 431–46.
- 167.Smith, E. R. and Mackie D. M.Intergroup Emotions/ *Handbook of Emotions*, 3rd ed.. ed. Lewis, M., Haviland-Jones, J. M. and Barrett, L. F./New York: The Guilford Press, 2008. - P. 436.
- 168.Solomon, Ty. Human Nature and the Limits of the Self: Hans Morgenthau on Love and Power / *International Studies Review*.- 2012. №14 (2). - P.201-224.
- 169.de Sousa, R. The Rationality of Emotion/Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
- 170.Tajfel, H. Human groups and social categories. Cambridge: Cambridge University Pres, 1981.
- 171.Tajfel, H. and Turner, J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior/ *Psychology of Intergroup Relations*, 2nd ed. ed.Austin, W. G. and Worchel, S. /Chicago: Nelson-Hall, 1986.
- 172.Thoits, P. The Sociology of Emotions//*Annual Review of Sociology*. - 1989 №15. - P. 317.
- 173.Tredway, J. V., Napp, S.J. Tredway, L.C. and Thomas, D.L. The Neurosociological Role of Emotions in Early Socialization, Reasons, Ethics and Morality/ *Mind, Brain and Society: Toward a Neurosociology of Emotions. Social Perspectives on Emotions*, ed. Franks D.D. and Smith T.S./Stamford, CT: JAI Press, 1999. - P. 109-156.

174. Turner, J.H. On the Origins of Human Emotions: A Sociological Inquiry into the Evolution of Human Affect/ Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.
175. Tversky, A. and Kahneman, D. Prospect theory: An analysis of decision under risk// *Econometrica*. — 1979 № 47 (2).- P. 263-291.
176. Valentino, B. A. Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the Twentieth/ N.Y.: Cornell University Press, 2004. - P. 184.
177. Van Dillen, L. F. and Koole, S. L. Clearing the Mind: A Working Memory Model of Distraction from Negative Mood// *Emotion*, 2007 №7. - P. 715-723.
178. Vanderford, M. L. Vilification and Social Movements: A Case Study of Pro-Life and Pro-Choice Rhetoric// *Quarterly Journal of Speech*. - 1989 № 75. - P. 166-182.
179. Vinogradova, S. and Shaldenkova, T. Ethnic diversity and cultural clash in Saint Petersburg Press // *The Dialoge of Cultural traditions: Global Perspective/ Cultural Heritage and Contemporary Change I. Culture and Values №39* ed. Sweet W / Washington, 2008. - P. 207.
180. Volkan, V. D. The need to have enemies and allies: From clinical practice to international relationships/ Lanham, MD: Jason Aronson, 1988.
181. Waltz, K. *Theory of International Politics*/ Reading: M. - 1979.
182. Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - P. 226-227
183. Wendt, A. The State as Person in International Relations Theory// *Review of International Studies*. - 2004 №30(2). - P. 289–316.
184. Weyher, L. F. Re-reading Sociology via the Emotions: Karl Marx's Theory of Human Nature and Estrangement// *Sociological Perspectives*. - 2012 №55(2). - P. 342.
185. Wight, C. State Agency: Social Action Without Human Activity?// *Review of International Studies*. - 2004 №30(2). - P. 269–80.
186. Wirz, D. Persuasion Through Emotion? An Experimental Test of the Emotion-Eliciting Nature of Populist Communication// *International Journal of Communication*. - 2018 №12. - P. 1116.
187. Young, I. M. *Justice and the Politics of Difference*/ Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. - P.44
188. Zajonc, R. Preferences Need No Inferences// *American Psychologist*. - 1980 №35(2). - P.151-75
189. Zeelenberg, M., Nelissen, R. M. A., Breugelmans, S. M., & Pieters, R. On emotion specificity in decision making: Why feeling is for Judgment and Decision Making. - 2008 №3(1). - P. 18-27

190. Zehfuss, M. *Wounds of Memory: The Politics of War in Germany*/ Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
191. 河源晚报 点击, 巴黎圣母院失火 / Hynews, 2019. Доступно по ссылке:
<http://www.hynews.org/2019/pinglun_0419/58868.html>